

АВТОР КНИГИ
«КОРОЛЕК - ПТИЧКА ПЕВЧАЯ»

РЕШАД ВУРИ ГЮНТЕРИИ

Ночь оленя

Чукача Чукача

Решад Гюнтекин

Ночь огня

«РИПОЛ Классик»

1953

УДК 82/89
ББК 84.5Ту

Гюнтекин Р. Н.

Ночь огня / Р. Н. Гюнтекин — «РИПОЛ Классик», 1953

ISBN 978-5-6041267-2-1

Решад Нури Гюнтекин (1889–1956) – знаменитый турецкий писатель и драматург. Действие романа «Ночь огня» (1953) происходит в начале XX века в турецкой провинции. Это пронзительная и печальная история о любви легкомысленного юноши и замужней женщины.

УДК 82/89

ББК 84.5Ту

ISBN 978-5-6041267-2-1

© Гюнтекин Р. Н., 1953
© РИПОЛ Классик, 1953

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	14
Глава III	16
Глава IV	18
Глава V	21
Глава VI	24
Глава VII	36
Глава VIII	41
Глава IX	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Решад Нури Гюнтекин

Ночь огня

Reşat Nuri Güntekin
Ateş gecesi

© 1942 Reşat Nuri Güntekin. The WORK is protected by the International Copyright conventions

This book is published with the arrangements of Telif Hakları ONK Ajans Ltd. Şti

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательство «Черная речка», 2018

* * *

Часть первая

Глава I

В почтовом экипаже из Айдына¹ в Милас² ехали пятеро: два комиссионера, которые беспрестанно курили и играли в карты, пристроив себе на колени кофейный поднос, человек в охотничьем костюме, с изъеденным оспой лицом, седовласый секретарь монопольного управления и старик жандарм. Последний дремал или читал бумаги, бормоча себе под нос и качая крашеной бородой...

Был и шестой путешественник, но какой! Этот странный юноша лет семнадцати-восемнадцати, похоже, не мог сидеть спокойно: то он шел рядом с повозкой, приминая тростью придорожную траву, то взбирался на пригорки и бежал за экипажем, если тот вдруг ускорял ход. Когда сил бежать не оставалось, юноша запрыгивал к вознице на козлы, и, взяв в руки вожжи, прикрикивая, понукал лошадей.

С необычайным умением он передразнивал голоса животных, и другие путешественники от души хохотали, слушая, как он блеет, мычит и кричит, вторя скоту на выпасе.

Он даже пристал к караванщикам, ведущим верблюдов в Муглу³, и не успокоился, пока ему за пару курушей⁴ не позволили прокатиться.

Похоже, опасное происшествие, случившееся с ним за день до этого в Чине, ничуть его не образумило.

Речка, переполненная водой весенних дождей, что всего два дня как прекратились, вышла из берегов и унесла легкий деревянный мост. Сильные буйволы смогли перетащить на другую сторону экипаж, до середины бортов ушедший под воду. А путникам пришлось снять носки и башмаки, закатать штанины и переправиться через поток верхом.

На лицах старших явно читались недовольство и тревога, а юноша, напротив, от души забавлялся, шутил, сравнивая случайное приключение с походом Искандера Великого на Дария⁵.

В самом центре потока ему вздумалось затеять новую игру, но вдруг его вместе с лошадью опрокинуло и потащило вниз по течению. К счастью, в сорока-пятидесяти метрах от переправы несколько полуголых крестьян собирали доски разрушенного моста. Не подоспей они вовремя, молодой человек наверняка бы погиб.

Всю ночь он провел в бреду, лежа у печи в ветхой гостинице, дрожа то от холода, то от жара, но с первым лучом утреннего солнца встал бодрый и свежий. Сейчас ничто, кроме его одежды, не напоминало о неудачном купании. Но пиджак и брюки, пошитые у известного портного в Бейоглу⁶, имели действительно плачевный вид.

В его маленькой дорожной сумке лежала лишь смена белья да пара книг, поэтому юноше пришлось надеть тот же костюм, сильно помятый и вдобавок пропахший дымом от печи. Темно-синий в красную крапинку пиджак из прекрасной английской ткани страдальчески обвис, а зауженные брюки теперь больше походили на шаровары.

Но и эта неприятность стала лишь поводом для смеха:

¹ Город на западе Турции. (Здесь и далее примеч. пер. и ред.)

² Город на юго-западе Турции.

³ Провинция на юго-западе Турции.

⁴ Серебряная монета.

⁵ Имеется в виду поход Александра Македонского на персидского царя Дария III в III в. до н. э.

⁶ Район Стамбула.

– И на том спасибо, что одежда прочно держится на наших спинах. Вот если бы речка Чине унесла не только мою феску, но и костюм, хорош бы я был! – говорил юноша.

Секретарь монопольного управления, по-видимому, считал, что мужчина без фески – все равно что без башмаков или рубахи, поэтому принялся давать советы:

– Сынок, ты бы прикрыл голову платком.

Но молодой человек, в глазах которого плясали веселые искорки, лишь ответил:

– Не беда! Я ведь не намаз совершаю, так что все чудесно.

Для него в тот момент, похоже, все было чудесно.

* * *

Шоссейная дорога была в ужасном состоянии: усеянная вывороченными камнями, она скорее напоминала бесконечную череду ям и канавок. Лишь на второй день ближе к вечеру путешественники смогли добраться до Миласа. Когда экипаж въезжал в город, на дороге показались три человека, и возница, обращаясь к жандарму, сказал:

– Сержант Хафыз, вот идет господин начальник уезда, каймакам.

Юноша в тот момент вновь сидел рядом с кучером и не преминул полюбопытствовать:

– А который из них начальник?

– Вот этот низкорослый господин...

Спутники каймакама оба, как назло, были высокими. Солнце било в глаза юноше, и он поначалу даже решил, что видит ребенка лет восьми-десяти. Но потом разглядел бороду и понял, что ошибся.

Поравнявшись с путниками, экипаж вдруг остановился, и бородатый жандарм с тетрадью в кожаном переплете прыгнул на землю, чтобы поздороваться с каймакомом.

– Как дела, сержант Хафыз?

– Все в порядке, господин, – ответил жандарм и, достав из тетради опечатанный конверт, передал его каймакаму.

Каймакам разглядывал письмо, будто взвешивая его на ладони, а затем аккуратно разорвал конверт и, нацепив очки, начал читать. Чтобы получше разглядеть написанное, он повернулся к заходящему солнцу и сердито сдвинул брови.

– Плохие новости, – тихо обратился он к своему спутнику со светло-коричневыми усами, который безразлично стоял, опираясь на трость, и разглядывал горизонт.

– Что случилось?

– В Милас прибывает ссыльный... Из вилайета⁷ пришел приказ пристально следить за ним... Вздорный тип, должно быть. Ох, не люблю я все это... Одно беспокойство, чувствуешь, будто змею в доме приютил... Следить за ссыльным – одна морока, так-то...

Не обращая внимания на кучера и юношу, которые слышали его слова, каймакам краем глаза разглядывал физиономии путешественников. Взгляд его остановился на лице рябого. Между тем этот несчастный был, пожалуй, самым приятным и тихим из всех. Судьба зло пощупала над ним, наградив такой внешностью.

Каймакам, уверенный в правильности своей догадки, все же спросил:

– Который из них?

– ?..

– Я спрашиваю, кто ссыльный.

Сержант Хафыз оказался в затруднении. Он попытался указать глазами, но не смог и замер в нерешительности.

Юноша прыгнул с козел и, задорно улыбаясь, сообщил:

⁷ Резиденция губернатора и название провинции.

– Ссылный – это я, ваш покорный слуга, господин каймакам.

Каймакам растерялся. Он тарашился то на жандарма, то на растрепанного юношу, который выглядел моложе своих лет, и, наконец, заикаясь, спросил:

– Что ты такое говоришь? Ты? Такой маленький?

Несомненно, каймакам проявлял симпатию и добродушное участие, однако юноша этого не понял. Для него слово «маленький» прозвучало как упрек. С той самой ночи, когда его забрали из училища в Министерство полиции, юноша считал себя возмужавшим, совершеннолетним молодым человеком. Он угрожал великому падишаху, был выслан в дальние края под охраной полицейских и жандармов с ружьями, а значит, безусловно, мог считаться важной персоной. Эта спасительная мысль прогоняла прочь страх и отчаяние, что преследовали его столько дней.

Юноша старался казаться серьезным и степенным. Расправив полы пиджака и пригладив волосы, он спросил:

– Чем вам не нравится мой рост, господин?

Каймакам весело рассмеялся:

– Я не в том смысле, сынок... Ростом вы, слава богу, повыше меня будете. Только вы же совсем ребенок...

– Восемнадцать, господин...

– Что восемнадцать?

– Мне восемнадцать лет...

На этот раз каймакам не мог не пошутить. Повернувшись к спутникам, он продолжил, давясь от смеха:

– Восемнадцать. Неужели? Куда уж старше... И так до пенсии всего ничего. Мои слова, стало быть, задели ваше самолюбие... Извините, конечно, не стоит называть мужчину вашего возраста малышом... Только что это за серьга у вас в ухе?

Я невольно дотронулся рукой до правого уха и рассмеялся.

Незадолго до этого, когда мы проезжали мимо сада, я стащил немного черешни, съел несколько штук, а веточку с парой ягод повесил на ухо и забыл. Роль серьезного человека, которую я пытался сыграть перед каймаком, мне не удалась. Безнадежно пытаюсь обратить все в шутку, я протянул ему черешню:

– Если позволите, я хотел бы преподнести это вам.

Он улыбнулся, взял веточку и, потрепав меня по щеке, сказал:

– Дай бог, мы подружимся, и дружба будет сладкой, как эта черешня. У вас есть багаж?

– Только маленькая сумка. Не было времени, остальное прибудет позже.

– Хорошо... пусть сержант Хафыз отвезет ее. А мы пойдем следом... Вы ведь не устали?

– Нет, что вы.

Отойдя к краю дороги, мы пропустили экипаж и медленно направились в город.

– Как там вас зовут... Кемаль-бей, не так ли?

– Да, господин... Кемаль Мурат...

– Еще и Мурат?

– Да, господин...

– То есть и Кемаль, и Мурат⁸, не так ли? Ну тогда ты вдвойне достоин такой участи.

– Я не понимаю...

Каймакам не стал объяснять. Казалось, он был недоволен тем, что сказал слишком много.

⁸ Намык Кемаль (1840–1888) – турецкий писатель и общественный деятель, выступавший против османского деспотизма, за что правительство назначало его губернатором отдаленных мест. Здесь имеется в виду, что Мурат Кемаль – его тезка. Имя Кемаль означает «просвещенный, зрелый, достойный, совершенный». Многие известные люди получали имя Кемаль позже, им наделяли за ясность ума, знания и зрелость в суждениях и морали. Так было и с Намыком Кемалем (Мехметом по рождению).

Впрочем, он не мог сдержаться и, многозначительно глядя на спутников, добавил:

– Хочу представить вам Кемаля и Мурата... Он будет нашим гостем в Миласе... А эти господа – мои близкие друзья. Селим-бей и Акиф-бей... Селим-бей у нас врач, а Акиф-бей – судья... Если вы, не дай бог, заболете, то отправим вас к Селим-бею, а если, тоже не дай бог, проказничать будете, то – к Акиф-бею...

Сейчас мне пятьдесят. С той поры ни разу не доводилось мне так быстро завязать дружеские отношения. И вот еще что: мои друзья были почтенными господами, я же – неопытным юнцом. Мы принадлежали разным мирам, которые совершенно не пересекались. В довершение всего, не стоит забывать, что хотя бы формально я считался осужденным, они же – надзирателями.

Каймакам, добродушный веселый человек, обладал низким и приятным голосом – большая редкость для невысоких людей, а точнее, карликов. Но стоило ему разразиться смехом, его голос нет-нет да и становился тоненьким, как звук праздничной дудочки.

Доктор Селим-бей, высокий шатен и друг каймакама, напротив, производил впечатление человека замкнутого, холодного и надменного. Однако вскоре я понял, что так проявляется его застенчивость.

Селим-бей казался неразговорчивым. Пройдя пятьдесят шагов, он почувствовал необходимость что-то сказать и обратился ко мне со всей серьезностью в голосе:

– Как вам Милас?

– Оттуда выглядит великолепно, – ответил я, указывая на тонкую ленту дороги, которая вилась по вершине соседней горы.

Судья тяжело вздохнул:

– Да, только если смотреть по вечерам...

Каймакам возразил:

– Да полно вам... И вблизи совсем неплохо... Вы, должно быть, других уголков страны не видели... Чего только нет в моем ведении... Город разве что малость неухожен...

– Да бог с тобой, чего ж еще желать...

В тот вечер я впервые прощался с детством, входил в круг взрослых людей. Теперь и я должен был разговаривать как они. Тонем всезнающего человека я произнес:

– Дай бог, все наладится. Ведь не будет же страна сорок лет на месте топтаться...

Каймакам, должно быть, воспринял мои слова как жесткую критику. Он остановился посреди дороги, посмотрел сначала на меня, потом на своих друзей, словно хотел что-то сказать, но колебался. Наконец он не выдержал:

– Сынок, мало того, что ты и Кемаль, и Мурат одновременно, ты вдобавок отпускаешь дерзкие замечания... Непохоже, что тебе по чистой случайности была уготована такая участь.

Я совершенно ничего не понял.

– Почему же, господин? Что я такого сказал? – спросил я, удивленно тараща глаза.

– Что не так с нашей страной?.. Спасибо султану, страна в прекрасных руках.

– Я не это имел в виду.

Тут вмешался судья.

– Господин каймакам... Ты бог знает какие мысли приписываешь молодому человеку...

Мы дружно рассмеялись и продолжили путь.

– Вы первый раз покинули Стамбул?

– Да, господин.

– У вас есть там родственники?

– На прошлой неделе были, но сейчас и не знаю.

– Что это значит?

Пожав плечами, я со смехом произнес:

– Вероятно, часть семьи, как и меня, отправили сменить обстановку...

Я затронул щекотливую тему, и поэтому мне никто не ответил.

– Значит, у вас нет багажа...

– Он прибудет позже, господин... Меня забрали внезапно, ночью, прямо из училища и...

– Понятно... Где вы будете жить? Сразу скажу, что по указу губернатора вы имеете право жить здесь так, как вам захочется. Где бы вы хотели остановиться?

– Не знаю, господин... У меня нет здесь знакомых.

– Ну, мы уже познакомились, этого достаточно... Я найду вам жилье.

* * *

Мы медленно шли по тротуару вдоль узкой дороги. Лавки уже начали закрываться.

На одном из перекрестков судья попросил разрешения откланяться. Каймакам спросил у врача:

– А вы что будете делать? Собираетесь домой?

Тот неопределенно махнул рукой и ничего не ответил.

– Не уходите... Что вы будете делать в пустом доме... Давайте вместе поужинаем у Саида... И подопечного нашего, Кемаль Мурат-бей, не стоит оставлять в первый вечер одного.

– Каймакам-бей, да ты, похоже, снова ищешь повод, чтобы не идти домой?

– Нет... И не говори при ребенке о делах моих грешных.

Ресторан Саида оказался небольшой продуктовой лавочкой. Каймакам издали закричал:

– Рыба-то, рыба у вас есть?

И, получив положительный ответ, радостно хлопнул меня по плечу:

– Ты принес нам удачу... Свежую рыбку привезли... Живем!

Осмотрев содержимое нескольких кастрюль, выстроившихся на жаровнях (для этого ему пришлось встать на цыпочки), каймакам пригласил нас в дальнюю комнату лавки. Она считалась залом для аристократов. Хотя на стенах, выкрашенных в красный цвет, красовалось изображение русалки и несколько натюрмортов, а с потолка свисала люстра из золотистой бронзы, каймакам посчитал это место тоскливым и попросил вынести стол в садик.

– Лето, можно считать, уже пришло, – сказал он. – Посидим здесь, под фонарем, в поэтической атмосфере.

Доктору садик не понравился:

– Ну что за вид... Здесь просто свалка, – возразил он, поморщившись.

Каймакам указал на первые звезды, появившиеся в закатном небе:

– Стены здесь не очень, зато какой узор наверху! Посмотри, Селим-бей, все как надо...

Разве найдешь такой орнамент, столь пышное убранство хоть на одном дворцовом потолке? Пусть стемнеет еще немного, небо озарится светом вечных лампад Всевышнего... Тогда и увидим.

Доктор расщедрился еще на одну фразу:

– Господин каймакам – поэт.

– Ну что ты, дружок... Какой из меня поэт. Порой намараю пару строф старым слогом, да и все. А ты, сынок, любишь стихи?

У меня не повернулся язык сказать, что люблю:

– Читаю, господин.

– Конечно, новые стихи...

– Старые мне читать трудно.

– А стихи своего тезки читаешь?

– А кто он, господин?

– Как, ты не знаешь, кто твой тезка? Ты ведь и Кемаль, и Мурат-бей? Ты, должно быть, притворяешься, что не знаешь, дабы тонко обыграть дело... Судьи здесь нет... Теперь мы можем говорить свободнее...

– ???!!!

– Ты и в самом деле не знаешь, кто твой тезка? Ну, например, вот это слышал?

Дивный цвет твоих уст на щеках отражен
Словно розы бутон, ты прекрасна⁹.

– Нет, господин...

– Стихи твоего тезки – как стрелы, что попадают прямо в сердце. Он тоже в раннем возрасте познал, что такое чужбина, жил на островах здесь, неподалеку: на Кипре, Сакызе, Мидилли...

– Все это мне неизвестно, господин.

Каймакам поморщился:

– Ну тогда и не нужно тебе этого знать. Не мне учить тебя таким вещам... Если не возражаете, я сегодня опрокину пару рюмочек под рыбку.

Селим-бей улыбнулся:

– Ну это само собой...

– То есть ты хочешь сказать, что я пришел сюда, чтобы напиться? Селим-бей, так и поссориться недолго... Послушай, сынок! В твоём возрасте пить совершенно непозволительно, но мужчины вроде нас, умудренные годами, могут иногда пропустить по стаканчику. Кемаль-бей, у вас есть отец?

– Есть, господин...

– Он пьёт?

– Иногда, как и вы.

– Ну тогда вы не станете стыдить меня, как этот Селим-бей. Человек не может считать постыдным то, что делает его отец.

Саид принес стаканы, и врач Селим, который, казалось, только что осуждал каймакама, не стал отказываться.

– Да ты куришь!

– Курю, господин.

– Жаль, не стоило привыкать...

По правде говоря, я не привык к сигаретам. С момента отъезда из Стамбула я выкурил всего три-четыре пачки, и сейчас от дыма у меня першило в горле. Но с этим приходилось мириться. Ведь как без сигареты показать, что я – политический преступник, гроза большого государства, а не юнец, у которого еще молоко на губах не обсохло?

Мы сидели, глядя на развалюху с покосившейся печной трубой, разрушенными стенами и на дорогу перед ней.

Хотя улица в этот час была совершенно пуста, каймакам, наливая себе стакан раки¹⁰, пригнулся к полу. Селим-бей каждый раз сердился:

– На воре и шапка горит, – говорил он.

Каймакам глубоко вздыхал:

– Здесь не только стены имеют уши, здесь у ночи есть глаза, – оправдывался он. – Со всех сторон плетут интриги да сеют смуту. Если увидят, что я выпил стаканчик, завтра будут

⁹ Цитата из стихотворения Намыка Кемалья «Крик».

¹⁰ Крепкий алкогольный напиток.

болтать: «Каймакама несли домой на руках, как мешок»... Будь я тут один, я бы и глазом не моргнул, но сейчас все иначе: «В развалинах дома родное семейство мое»¹¹.

Впрочем, после третьего стакана каймакам уже не задумывался о своем семействе, а как раз наоборот, изводил его колкими, язвительными фразами.

Когда же у него вырвалось слово, которое негоже говорить при детях, каймакам сказал:

– Кемаль-бей, сынок, ты уже взрослый мужчина, если не по возрасту, то по статусу... Так что я не стану понапрасну лицемерить...

Выпив последний стакан, каймакам пришел в необычайное возбуждение. Хотя было прохладно и сыро, он расстегнул ворот и, подняв голову к звездам, начал читать какие-то непонятные стихи со странным ритмом. Затем со слезами на глазах он повернулся ко мне и, ударяя себя кулаком в грудь, произнес:

– Ах, сынок, каков же этот твой тезка... Он был подобен неземному существу, которое, гуляя по Млечному Пути, случайно соскользнуло в наш мир. И не спрашивай, кто он такой... я все равно не скажу... К тому же, как каймакам, я не имею права произносить его имени, сынок, Кемаль Мурат-бей... Я буду часто читать тебе его стихи. Но имени не скажу ни при каких условиях...

Я улыбнулся:

– Наверное, вы говорите о Намыке Кемале?

Собственно, я знал это.

Каймакам испугался и прямо-таки накинулся на меня с упреками:

– Что за слова? Как у тебя язык поворачивается?.. Чтобы я больше такого не слышал...

Страх каймакама был неподдельным. У него вдруг испортилось настроение, и стихов он больше не читал.

Мне же не казалось, что мысль, подобно злему духу, становится опасной лишь тогда, когда обретает словесную оболочку. Я был не в том возрасте.

Стояла такая тишина, что в паузах между фразами мы слышали, как потрескивает лампа в подвесном фонаре, как капает вода с тряпок, развешанных на веревке для просушки.

Доктор верно отметил: дворик походил на свалку. В одном углу виднелось нагромождение газовых баллонов и пустых бутылок. Вокруг валялась разбросанная овощная кожура, которая выпала из помойного ведра, с шумом и грохотом опрокинутого кошками. Грязная вода жирно поблескивала среди обломков камней. Я смотрел на все это и чувствовал, как невидимая рука сжимает мне сердце. Но каймакаму своей болтовней вновь удалось развеселить меня.

Он вдруг спросил:

– Как у вашей семьи с деньгами?

– Неплохо, господин, – ответил я.

– Я вот почему спрашиваю, вам ведь понадобятся деньги, чтобы жить здесь. У вас они есть?

– Полагаю, что да, господин.

– Что значит «полагаю»?

– У меня есть деньги, но я не знаю сколько. Отец дал мне небольшой кошелек, когда мы расставались.

Я достал из заднего кармана тщательно затянутый мешочек. Узлы на нем набухли от воды, когда я упал в реку Чине, и теперь никак не поддавались: пришлось развязывать их зубами.

– Вы до сих пор не открывали его?

– У меня были и другие деньги.

– И даже не полюбопытствовались?

¹¹ Цитата из стихотворения турецкого поэта XIX в. Ашика Дертли.

– Отец предупредил меня: «Спрячь хорошенько... в пути не открывай, а то украдут!»

Каймакам засмеялся:

– Странный ребенок... даже не посмотрел... ну и ну!.. Если уж ты до сих пор терпел, то не стоит и сейчас открывать.

– Давайте откроем и пересчитаем... Посмотрим, хватит ли мне.

– Хватит, здесь достаточно... А если не хватит, всегда найдется решение. Впрочем, посмотри, если хочешь...

Любопытство каймакама было гораздо сильнее моего. Пока я боролся с узлами, он сильно переживал и его маленькие глазки блестели, как у куницы.

Я высыпал монеты из кошелька сначала в ладонь, а затем на стол, и принялся считать их.

Отец был уверен, что деньги – главная угроза подрастающих детей, и поэтому всегда ограничивал меня в средствах. Но в этот раз он расщедрился: на столе лежали шестнадцать османских золотых.

Каймакам покраснел и, с трудом переводя дыхание, произнес:

– Сынок, это не просто деньги, ты богат как Крез!

– Если мне потребуется, отец пришлет еще...

– Вот это отец! Всем бы такого... Только ты лучше пересчитай еще раз да спрячь, чтобы никто не увидел... И не приведи тебе бог сболтнуть кому-нибудь об этих деньгах... Ты ведь неопытный юноша!

Он волновался так, как будто на нас смотрели сотни глаз, со страхом вглядывался в темноту и повторял: «Собери их».

Особенно тревожные взгляды каймакам бросал в сторону лавки. Пока я собирал золото, он несколько раз подошел к двери и, приподнимаясь на цыпочках, заглянул в окно.

Этот круглый как шар человек питал слабость к двум вещам: рыбе и деньгам.

За те два года, которые я провел в Миласе, он дважды оказывался на волосок от гибели из-за своих страстей. Однажды летом он отравился испорченной рыбой и его на носилках отнесли в больницу. По словам докторов, каймакам спасся лишь чудом. Я сам был тому свидетелем и помню, как он лежал совершенно голый на железной больничной кровати, сложив маленькие пухлые ручки на толстом волосатом животе. Его лицо все покрылось пятнами и кровоподтеками, и за многие дни он не произнес ни единого слова.

Что касается денег, связанная с ними беда оказалась пострашнее.

В первые же дни Конституционной революции¹² народ обвинил каймакама во взяточничестве.

Вместе с евреем-ростовщиком его посадили в телегу для мусора, надели обоим на головы венки из гнилых помидоров и под грохот газовых баллонов торжественно выгнали из города. Зрелище было ужасное.

Позже многие сочли меру слишком жестокой, а кое-кто даже поговаривал, что каймакама оклеветали. Я так и не узнал правды. Однако вполне допускаю, что он все же брал деньги, так как был не в силах устоять перед блеском золота, которое само шло к нему в руки. Должно быть, при этом он имел вид понурый и растерянный и, как и в ту ночь, тревожно озирался.

¹² Революция 1908 г. в Османской империи.

Глава II

Спотыкаясь и наступая в лужи, мы шли по извилистым узким улочкам, которые то поднимались в гору, то уходили вниз.

Хотя, кроме полуразрушенных и темных домов, ничего разглядеть не удавалось, каймакам то и дело останавливался и давал разъяснения:

– Это квартал Хаджи Ильяса... Не смотрите на внешний вид домов: каждый из владельцев по натуре своей напоминает грязный мешок, и все как один – местные богачи... и так далее...

– Еврейский квартал... Народ здесь очень скупой, но встречаются и одаренные люди... Среди них есть настоящие толстосумы. Посмотришь, во что они одеваются, как рыбий хвост между собой делят, так хочется монетку подать, но на самом деле... и т. д.

– Сейчас мы идем в Хисарбаши. Пусть тебя не обманывает внешний вид домов... Здесь одни земледельцы. Даже самый захудалый может поставить привратниками на двери дюжину каймакамов вроде меня... и т. д.

Каймакам не только рассказывал о местах, которые мы проходили, но иногда, взмахивая четками, указывал куда-то в темноту:

– В той стороне – старый квартал. Если подняться на холм в светлое время суток и посмотреть вон туда, можно увидеть Хайитлы... а в ту сторону – Каваклы... а еще Турунчлук, Йельдегирмени, Сарычай...¹³

В семи-восьми шагах впереди мелькала тень доктора, который останавливался вместе с нами, а затем продолжал путь.

В отличие от каймакама, он от выпитого раки совсем замолчал.

В ту ночь его постоянное безмолвие пугало меня, наводя на мысль, что человек он гордый и едва снисходит до моей персоны. Но это все равно не объясняло, почему такой солидный мужчина предпочитает поддерживать дружбу со мной, мальчишкой, еще не окончившим училище.

Дойдя до греческого квартала, я сразу увидел впереди фасад церкви, а вернее, монастыря. По краю площади сидели люди, вокруг играли дети, девушки прогуливались, держась за руки. Каймакам обратился ко мне:

– В греческом квартале всего две армянских семьи. Ты будешь жить в доме одной из них. Я говорю «семья», но на самом деле там живет только одна армянская барышня. В комнатах на втором этаже до недавнего времени обитал холостой капитан-медик Супхи-бей. На ваше счастье, его перевели в Измир, и комнаты стоят пустые. Я послал жандарма сообщить ей о вашем прибытии, и она ждет с нетерпением. Только не вздумайте влюбиться друг в друга, а то вам не поздоровится...

Я обещал, смущенно кусая губы.

Каймакам еще немного посмеялся над моей неопытностью:

– Не хочу напрасно обнадеживать тебя, сынок. Госпоже Варваре за пятьдесят, она старая дева. Давным-давно ее жених умер, и она все еще в трауре, сгорает от тоски, как Аслы по своему Керему¹⁴. Она стала посмешищем для всех, ее, бедную, считают полоумной. А между тем это очень милая, порядочная и работающая женщина. Я уверен, что она присмотрит за тобой, как присматривала за Супхи-беем.

¹³ Пригороды и деревни вокруг Миласа.

¹⁴ Каймакам вспоминает легенду о несчастной любви Аслы и Керема.

Наше появление в квартале вызвало всеобщее оживление. Женщины и мужчины, которые до этого сидели на стульях и топчанах у дверей, вставали при нашем приближении, и каймакам каждому говорил приятное слово и спрашивался о здоровье.

Как ни странно, доктор тоже оживился. Оказалось, что он с необычайной легкостью говорит по-гречески. У некоторых дверей он задерживался, и было ясно, что в доме есть больной или же его спрашивают о чем-то из области медицины.

Секрет столь блистательного владения греческим языком я узнал от каймакама:

– Селим-бей родом с Крита. Он глава большой семьи эмигрантов.

Наше появление также заинтересовало девушек, которые прогуливались, держа друга друга за талии и без умолку болтая. Пока мы шли, останавливаясь у каждой двери, они с невероятной скоростью сновали взад и вперед, всякий раз окидывая нас оценивающими взглядами.

Мне вновь стало неловко за мой потрепанный костюм, о котором я было забыл. Я шел, стараясь держаться как можно дальше от своих спутников и не попадать в пятна света вблизи окон и дверей.

Толпа греческих девушек вокруг нас все увеличивалась, и, наконец, среди них показалась хозяйка дома, в котором мне предстояло жить. Я ожидал увидеть старую тетушку с бесформенным телом, густыми бровями и орлиным носом, но навстречу нам медленно вышла худая и высокая женщина в черном. Ее тело плавно покачивалось, словно растение на ветру. Платок тонкой вязки с шелковой бахромой ниспадал ей на плечи, поверх был наброшен шарф из черного кружева. Она куталась в черную шаль, в руке держала платочек из черного тюля и носила блестящие лакированные туфли.

Но вдруг свет из окна озарил ее лицо, и я увидел увядание и тлен. Эта фея ночи могла бы легко сойти за ангела смерти, если бы вместо черной одежды завернулась в пять-шесть локтей небеленого ситца и взяла в руки косу на длинной рукоятке.

Изъяны и морщины были скрыты под легким слоем белил, но ее лицо оставалось бескровным, как у покойницы. Маленький круглый носик походил на перламутровую пуговицу, которую крепко пришили прямо в центре лица. Бровей как таковых почти не было: поверх нескольких редких волосков она нарисовала сурьмой пару тонких полумесяцев – дальний отголосок моды, которой суждено было появиться через тридцать лет.

– О-о-о, госпожа моя... Какая роскошь, какая красота, – произнес каймакам, в сильном возбуждении размахивая коротенькими ручками. Он представил нас друг другу, после чего, подмигнув, добавил: – Мне цены нет, я привел тебе нового, свеженького постояльца. Супхибей ему и в подметки не годится. Дай бог, вы хорошо поладите.

Деревянный дом старой девы оказался таким же, как она сама: узким, длинным, тесным и слегка покосившимся. Она обитала на первом этаже, а две комнаты с прихожей на втором этаже отводились мне.

Я не мог больше стоять в своем нелепом костюме перед греческими барышнями, которые столпились у двери, и поэтому, попрощавшись с друзьями, вошел в дом.

Глава III

Как и каймакам, я весь состоял из контрастов и противоречий. Держаться золотой середины я не умел и постоянно бросался из одной крайности в другую.

Оказавшись в комнате в одиночестве, я вдруг потерял самообладание и разрыдался, словно от безысходности. Да еще как!..

Ни одна маленькая девочка, которую разлучили с матерью, не стала бы так плакать. Это был позор.

Несчастье свалилось на меня внезапно, как незаслуженная пощечина, и я совсем потерял голову. С тех пор, как меня ночью забрали из училища в Министерство полиции, все происходило как во сне. Каждую минуту новые сюрпризы, волнения, усталость, перемежаемые сном, тяжелым как свинец...

А еще эта роль героя-политзаключенного, которую я излишне усердно разыгрывал перед окружающими и даже перед самим собой. Я был измотан.

Вероятно, именно поэтому я теперь плакал, как маленькая несмышленная девочка.

Наконец, была еще одна причина, по которой я дал себе волю, и я осознаю ее только сейчас: еще недавно я полагал, что жизнь отныне будет состоять из череды неожиданностей. Восемнадцатилетнего юношу это воодушевляет и развлекает, даже если приходится терпеть лишения. Но не прошло и недели, как мой путь завершился. Отныне я должен до самой смерти жить в этой комнате, а все из-за несправедливого решения суда. Так мне тогда казалось.

Прощаясь, каймакам постарался меня утешить: и, взяв мои руки в свои, сказал тихо, чтобы его не услышал Селим-бей:

– Не печалься, и это пройдет. Как говорится, «всякое может выйти из чрева ночи, пока ждешь рассвета»¹⁵. Через год-другой тебя простят, а эта пара лет быстро пролетит, не успеешь и глазом моргнуть.

Для людей определенного возраста год действительно пролетает быстро. Но по меркам восемнадцатилетнего это огромный срок, которому нет конца и края.

Неизвестно, как долго я бы предавался безумию. К счастью, в этот момент дверь приоткрылась, и я услышал голос тетушки Варвары:

– Извините... Если вы позволите, я проглажу ваш костюм, пока вы будете спать.

Я быстро отвернулся и, посвистывая, сделал вид, будто ищу что-то в дорожной сумке, которая стояла на застеленном топчане. Тетушка думала, что я не слышу ее, и повторила вопрос.

Достав из сумки платок, я ловко вытер нос и глаза и со смехом произнес:

– Если я отдам свой костюм, что же я надену? У меня нет ночной рубашки...

– Я дам вам свое энтари¹⁶.

– Как это?

– Оно вполне подойдет. Не волнуйтесь, оно очень чистое.

– Пусть лучше энтари меня боится. Ведь я с дороги...

Моя шутка рассмешила мадемуазель Варвару. Немного погодя на софе оказался скрипучий сундучок, из которого, благоухая лавандой, появилось чистейшее отутюженное черное энтари. На груди красовались мелкие сборки, а воротник и рукава были отделаны широкими черными рюшами. Ах, детство... Я забыл о своем отчаянии и стал хохотать как сумасшедший, когда увидел себя в зеркале. Хотя тетушка была женщиной высокого роста, ее платье доходило мне лишь до колен. Во мне разыгрался бес: я взял с верхней полки платяного шкафа черную

¹⁵ Строка из стихотворения Рахми, поэта эпохи диванной литературы, ставшая афоризмом.

¹⁶ Длинное женское платье свободного покроя.

соломенную шляпу с черным пером и вуалью и надел ее. В довершение всего в таком виде я спустился вниз, в комнату тетушки.

Старая дева веселилась как никогда. Глядя на единственную неудачную часть моего туалета – грязные мужские ботинки – она смеялась до слез.

– Ох, дай вам бог здоровья... Давно мне не было так весело.

Утонченность мадемуазель Варвары доходила до странностей: хотя именно я должен был стыдиться своих ботинок, смутилась она и со словами: «Простите... Мне как-то в голову не пришло, забыла принести вам тапочки» – выбежала из комнаты. Затем, несмотря на мои протесты, она встала на колени, сняла ботинки с моих ног и надела на меня вышитые черные женские тапочки.

К счастью, утром, в гостинице в Чине, я сменил носки. Иначе, не сомневаюсь, из скрипучего сундука появилась бы пара длинных черных женских чулок.

Я затеял весь этот маскарад перед тетушкой, намереваясь сразу вернуться в свою комнату. Но она насильно усадила меня в угловое кресло для дорогих гостей, достала из шкафа серебряный прибор для сладостей, сарыз татлысы¹⁷ и фиалковый ликер, кормила меня чуть ли не из ложки.

– Как идет вам это платье, вы как девица-красавица, от которой все сходят с ума. Супхибей, дай ему бог здоровья, тоже был хорошим человеком. Но вы, конечно, лучше, да еще и шутник.

Мадемуазель Варвара не смогла удержаться и, слегка коснувшись моего лба рукой, поправила мои русые волосы, казавшиеся темнее под черной вуалью.

* * *

Хотя снаружи все стихло, мы по-прежнему сидели друг напротив друга, говорили о том о сем. Выпив вместе со мной фиалкового ликера, мадемуазель Варвара разгорячилась: она вытянула шею и, словно актриса трагедии, спросила с дрожью в голосе:

– Вы ведь совсем еще дитя. Что вы натворили, почему такое случилось?

Было ясно, что каймакам шепнул тетушке пару слов.

Я мгновенно переменялся. Хотя мое одеяние мало соответствовало выбранной роли, я придал лицу загадочное выражение, достойное взрослого мужчины, и произнес низким голосом:

– Кто знает!

Такая серьезность смутила тетушку, она растерялась:

– Извините... Это не мое дело... Я так, к слову спросила...

¹⁷ Традиционная турецкая сладость.

Глава IV

На следующее утро, лежа в своей комнате на кровати с балдахином среди белоснежных простыней, я задал себе вопрос мадемуазель Варвары: в самом деле, что же я натворил, что меня в таком возрасте забрали прямо со школьной скамьи и отправили в ссылку?

Я хорошо отдохнул душой и телом и теперь, ворочаясь с боку на бок, принялся обдумывать все, что со мной случилось. Я учился на втором курсе инженерного училища, отставал по паре предметов, но не было сомнений, что меня переведут на третий курс. Экзамены должны были начаться через полтора месяца.

В тот день мы сдавали письменный экзамен. Вопросы были чрезвычайно простыми, поэтому я быстро написал свою работу, а затем набросал пару строк на промокашке и передал сидящему сзади меня Ирфану¹⁸. Будто в насмешку над своим именем, сын повара Ирфан был безнадежным тупицей. Он положил листок бумаги на колени и, странно изогнувшись, впери́л в него взор. Мало того, сложные места он читал по слогам, шевеля губами. В результате мы оба попались.

Разумеется, и я, и он получили нулевой балл и теперь непременно должны были остаться без свидания с родителями.

Вечером, в часы, отведенные на приготовление уроков, я сидел, опершись головой на руку, и думал о своей участи. Но тут дверь отворилась, и показался воспитатель, который назвал мой номер, имя и потребовал меня к директору.

Я шел между партами и, не глядя по сторонам, говорил друзьям:

– Будь проклят этот Ирфан... Из-за него такая беда... Не поминайте лихом.

В кабинете директора сидели два незнакомых человека. Мне показалось странным, что один из них – комиссар в военной форме.

Лицо директора почему-то имело приятное и спокойное выражение.

– Кемаль-эфенди, идите в спальню и наденьте верхнюю одежду... а также соберите ваши вещи, – сказал он, почему-то не глядя мне в глаза.

Значит, меня выгоняют из училища. Да еще ночью, с полицией...

Нужно было немедленно что-то сказать, чтобы не выглядеть дураком.

Люстры кружились у меня над головой, а я, заикаясь, говорил:

– Господин директор... я совершил глупость. Это в первый раз, поверьте.

В этот раз директор поднял на меня глаза и спросил:

– Что в первый раз?

Я пробормотал еле слышно, сдавленным голосом:

– Списывал...

– Вы списывали? Очень плохо... От вас я не ожидал такого. Впрочем, это здесь ни при чем. Вы поедете с этими господами...

– Куда?

На этот раз пришел черед директора удивляться и заикаться:

– Куда? Нечего бояться, сынок... Разумеется, вы под защитой своего отца. Вот и эти господа точно так же... Вы, конечно, видите, они чиновники... Так вот, сынок. Вы поедете в одно место.

Масса вопросов вертелась у меня на языке.

«Если все так просто, зачем мне собирать вещи? Куда меня повезут?»

Но я не задавал их. Какое-то чувство подсказывало мне, что ответов я не получу, а молчание еще больше напугает меня.

¹⁸ Имя Ирфан в переводе с турецкого означает «просвещенный», «образованный».

Рядом с директором в кресле сидел полный мужчина с коричневыми усами. На нем были очки в золотой оправе. Без сомнения, главная роль теперь отводилась ему.

Когда мы встретились взглядами, он вдруг поднялся на ноги и, стараясь говорить мягким голосом, произнес:

– С тобой, сынок, мы станем друзьями.

Должно быть, пытаюсь внушить мне доверие, он солгал:

– Ваш отец просил передать привет. Он вас целует и завтра утром придет навестить.

Вот и все, что было сказано в кабинете директора. Я совсем потерял дар речи и даже с уборщиком в спальне словом не перекинулся, когда пришел наверх, чтобы переодеться в новый костюм и быстро собрать вещи.

Наконец мы остановились перед темным каменным зданием и в свете фонаря, который висел над дверью, прошли между двух караульных с ружьями. На следующий день я узнал, что меня привезли в Министерство полиции.

В маленькой комнате, наполненной шкафами и бумагами, молодой офицер с перевязанным подбородком спросил мое имя и место рождения. Пока я диктовал ему, сидя перед столом, покрытым клеенкой, мои спутники исчезли и больше не появлялись.

Эту и следующую ночь я провел в одиночестве в комнате с высоким потолком и окнами, где не было ничего, кроме железной кровати, табуретки и деревянного шкафа. Кто-то забыл в ящике шкафа старый толстый роман «Путешествие под землей». Я беспрерывно читал, чтобы как-то занять себя. Несмотря на обещания человека в золотых очках, отец появился только на второй день ближе к обеду.

Как странно! Два года назад мой отец перенес легкий инсульт и с тех пор так и не смог оправиться, а теперь он был необычно бодр и весел.

Даже хромота на правую ногу и небольшой дефект речи будто исчезли.

Его речь напомнила мне детство, когда он еще носил черные усы на немецкий манер, блестящую форму и бряцал саблей, приходя из казармы.

– Дай тебе бог здоровья, юноша. Ну как ты? – спросил отец. Он трепал меня по щеке, улыбался, но не говорил, за какую провинность меня заточили здесь.

Рядом стоял тот самый офицер с перевязанным подбородком, который оформлял меня в ночь прибытия. Вместо того чтобы беседовать со мной, отец все время обращался к офицеру, называя его «сынок» и «боевой товарищ».

Тот отвечал крайне уважительно, стоял чуть ли не по стойке смирно и называл отца «полковник», но почему-то мое сердце сжалось от жалости к отцу.

А он как будто ничего не замечал: офицер, видимо, недавно вернулся из Македонии, и отец задавал ему всевозможные вопросы о стране. Потом он вдруг повернулся ко мне, как будто вспомнив что-то, и сказал:

– Кемаль, тебе предстоит небольшое путешествие. Недалеко, до Миласа... Разумеется, ты знаешь это место. Милас – лучший уголок Измирского региона... В молодости путешествовать приятно... Это приносит даже больше пользы, чем учение. Я был примерно в твоём возрасте, когда меня, молодого лейтенанта, отправили в Эрзурум... Ну, может, на пару лет постарше... Подумай, где Эрзурум, а где Милас...

В нашем доме запрещалось говорить о политике. Но из обрывков сплетен, носившихся в воздухе, молодые люди того времени составляли достаточно полное представление о действительности. Я понимал, что рядом с этим офицером нужно было о чем-то умалчивать и, стараясь вторить отцу, говорил:

– Конечно, папа... очень хорошо... Меня всегда очень интересовали путешествия...

– Через две-три недели мы с мамой приедем навестить тебя. Хотели поехать прямо сейчас, но появились некоторые неотложные дела.

– Папа, когда я еду?

- Сегодня, сынок... Через пару часов...
- Я что, не смогу увидеть маму и братьев?
- Мама хотела приехать сюда, но у нее гости.
- А братья?
- Они не здесь, сынок... Твой брат Хайри получил назначение в Бингази и вчера уехал.

Шукрю в Багдаде...

- А невестки?

– Разумеется, они уехали вместе с мужьями... погоди, я забыл сообщить тебе хорошую новость. Шукрю теперь в звании колагасы¹⁹.

- Я очень рад, папа...

Отец вновь повернулся к офицеру и, посмеиваясь, начал рассказывать:

– Как говорится, «просеяли муку, повесили сито на стену». Мы думали, что так и будет, но не вышло. Теперь мы, два старика, рука об руку станем снова туда-сюда между Бингази и Миласом. Еще и Багдад, но туда ехать долго и дорого. Мы это направление всерьез не рассматриваем.

Пришедший сержант ненадолго вызвал офицера куда-то, а когда их шаги стихли, отец внезапно понизил голос и быстро зашептал:

– Кемаль, когда я приеду в Милас, мы с тобой поговорим толком. Пока я расскажу тебе вкратце. На самом деле ничего интересного!.. Ты ведь знаешь, что твоя невестка Сабиха – из приближенных наследника престола Решата-эфенди. Когда мы брали ее в семью, то не поняли, что это противоречит воле султана. Очевидно, что меня, старика инвалида, за человека не посчитали, но насчет вас, трех братьев, имеется высочайшее повеление: вы поедете туда, куда я сказал. Там вы будете совершенно свободны. Ты должен все это знать, но смотри, никому не рассказывай.

Ближе к вечеру я покидал Стамбул на пароме «Хаджи Давуд», наполненном солдатами. Отец почему-то не пришел меня навестить, хотя и обещал.

¹⁹ В османской армии промежуточное звание между капитаном и майором.

Глава V

Первые дни я не мог не жаловаться на жизнь. Меня никак не покидало ощущение, что отсюда я уже не вырвусь. По вечерам, когда темнело, меня терзали те же странные чувства, что и в первый вечер. Но, по правде говоря, все это длилось недолго. Привязанности к семье я не испытывал. Старшие братья были намного взрослее меня: они уже учились в школе-пансионе, когда я был еще младенцем. Оба женились, как только получили право носить сабли, и сразу разъехались.

Мать постоянно грустила и говорила об умерших. Если что-то ее смешило, а случилось это раз в тысячу лет, она сразу огорчалась, как будто сделала что-то постыдное: «Не знаю, над чем это мы смеемся?» – вздыхала она.

Что касается отца, он был шумным и веселым военным. Но позже я понял, что мать не смогла привязать его к дому. Днем он пропадал в казарме, а ночью – в кофейнях нашего квартала, когда же он изредка оставался дома, то был занят тем, что ухаживал за деревьями: прививал их, обрезал ветки. После его выхода в отставку и последующей болезни дом и вовсе погряз в унынии.

Меня воспитывали довольно строго. Болтовня и шутки не встречали снисхождения: «Почему Кемаль не похож на старших братьев? Он такой легкомысленный, несерьезный», – часто сетовали родители. Выходить на улицу и играть с соседскими детьми запрещалось. Когда же я в возрасте восьми-девяти лет произнес дома ругательство, которому меня научили друзья, отец забрал меня из школы и нанял мне домашнего учителя.

В каникулы я, скрепя сердце, вместе с отцом спускался в сад и, слушая веселые детские голоса, доносившиеся с улицы, помогал прививать деревья и резать ветки. Иногда он заставлял меня собирать травы, цветы, листья и пытался рассказать о различных видах растений, с гордостью повторяя, что об этом нельзя узнать из школьных учебников. Но поскольку его собственные познания не были ни надежными, ни обширными, число видов, которые я выучил, не превышало пяти-шести.

Хотя я не никогда не любил учиться, поступив в инженерное училище, я почувствовал такое облегчение, как будто вышел из тюрьмы.

Нынешняя ссылка расширяла эту свободу безгранично, возведя меня в ранг взрослого человека, за которым никто не присматривает и в жизнь которого никто не вмешивается. В детстве я очень любил с утра понежиться в постели. Отец же, как назло, мне в этом препятствовал. В ранний час он приходил в мою комнату и брызгал мне в лицо водой из графина, который стоял в изголовье.

– А ну-ка, юноша, долгий сон делает человека вялым, ленивым и расточительным, – говорил он.

В инженерном училище эта обязанность перешла к старому воспитателю. Правда, он не брызгал мне в лицо водой. Он просто вставал в ногах моей кровати, брался за железные прутья и начинал с поразительной настойчивостью раскачивать ее. Я должен был встать, иначе он от меня не отставал.

Теперь же я ворочался с боку на бок в доме старой девы, которая боялась чихнуть, чтобы меня не потревожить, и каждый день смазывала дверные петли, чтобы они не скрипели. Солнце осветило уже половину комнаты, и мне приходилось закрывать глаза ладонью.

Отец, как большинство людей старого времени, не умел предаваться лирике в письмах. Слогом они походили на официальные документы и писались огромными буквами, как будто сулусом²⁰. И все равно его послания занимали не больше половины страницы. Так и не найдя

²⁰ Сулус – стиль арабского письма, для которого характерно использование крупных, как бы заглавных букв.

слов утешения, бедный отец платил за почтовые услуги, пребывая в полной уверенности, что и такое письмо на чужбине подействует на меня лучше, чем прекраснейшее из литературных произведений.

Что касается денег, я был богаче главных чиновников городка.

Более того, каймакам устроил меня помощником инженера, и теперь я получал жалование: несколько сотен курушей в месяц. Контора называлась «Инженерные общественные работы». Там я по большей части выполнял мелкие поручения, а раз в десять-пятнадцать дней вместе с главным инженером, а иногда и в одиночку, отправлялся проверять, как идут работы по постройке дорог и мостов в округе.

Периодически каймакам, многозначительно подмигивая, говорил: «Ты слушай меня, я знаю, что тебе нужно. Практические знания, обретенные здесь, принесут больше пользы, чем занятия в училище. В будущем продолжишь обучение – будешь таким молодцом, вот увидишь!»

Я и сам верил, что приобретаю какие-то профессиональные навыки, хотя всего лишь переносил некоторые планы на кальку, вел бухгалтерские книги и раз в неделю выплачивал жалование дорожным рабочим.

Но главное и самое приятное заключалось вот в чем: работа в конторе обеспечивала мне определенное социальное положение и повышала мой авторитет среди служащих и горожан.

Несмотря на молодость, меня приглашали на помолвки и свадьбы, по праздникам я в ряду чиновников щеголял костюмом, пошитым у лучшего портного Миласа, и на равных общался с людьми почтенного возраста.

Причина моей ссылки оставалась тайной для городка. Я помнил, что сказал отец, прощаясь со мной, и даже каймакаму, несмотря на огромный интерес и любопытство, не удалось добиться от меня ни слова.

Но причина моего упорного молчания крылась не в отцовских советах, а совсем в другом. Я все время слышал, как люди сплетничают, что я был членом тайного общества, подстрекал товарищей по училищу к революции, был пойман при попытке бегства в Европу и т. д. Я даже узнал о своей причастности к покушению на падишаха, – об этом мне сообщил старый полоумный грек из моего квартала.

Если бы в городе стало известно, что причиной ссылки стала женитьба старшего брата на придворной даме из свиты какого-то там наследника престола, это подорвало бы мой престиж. Когда же некоторые мои друзья, умудренные годами, начинали расспросы о том, что я сделал, то я с усмешкой отвечал «ничего». Но это «ничего» казалось им наполненным глубоким смыслом.

Поводов жаловаться на жизнь у меня не было, но все же большую часть времени я проводил в своем доме в церковном квартале.

Хотя с тех пор прошло тридцать лет, облик мадемуазель Варвары все еще стоит у меня перед глазами, четкий, как цветной оттиск. На следующий день после моего прибытия в Милас она рассказала мне историю своей жизни в самых романтических тонах. По легенде, созданной ей самой, тридцать лет назад она была первой красавицей Миласа. Все юноши городка, будь то османы, армяне, греки или евреи, ходили за ней по пятам. Дошло до того, что матери пришлось надеть на свою дочь чаршаф²¹ и вуаль, как на мусульманскую девушку.

Если бы стены и камни умели говорить, они бы рассказали, сколько людей ежедневно околачивалось вокруг дома. Среди них были писанные красавцы, подобные Иосифу Прекрасному, а также сравнимые лишь с Соломоном могущественные богачи. Но разве стала бы она смотреть на богатых, бедных, старых, молодых, красивых и уродливых? Ведь ее сердце принадлежало юноше по имени Кегам.

²¹ Головной платок, который носит мусульманская женщина.

Поначалу ни мать, ни соседи не одобряли этих отношений и делали все возможное, чтобы разлучить молодых людей.

Однако и она, и Кегам мужественно терпели. Он до утра просиживал вот под этой стеной и не уходил, хотя его волосы покрывались инеем и походили на суджук²².

А сама она проливала слезы, сидя на этом балконе. Теперь у нее плохое зрение. Наконец священник из соседней церкви сжалился над ними, а мать мадемуазель Варвары дала согласие на брак влюбленных.

Но после стольких мучений, когда до свадьбы оставалось всего несколько дней, Кегам внезапно умер от воспаления легких.

Увидев жениха в церкви в гробу, девушка поклялась до самой смерти носить траурные одежды и дала обет безбрачия.

Все красивое напоминало мадемуазель Варваре Кегам. Молодые ростки на берегу Сарычая были подобны его шее, теплый и ароматный ветер, который дул по вечерам из Турунчука, походил на его дыхание, а белые тонкие свечи перед маленькой иконой Богородицы в ее комнате были словно пальцы ее возлюбленного.

Иногда она говорила, касаясь моих щек указательными пальцами: «Я ваша сестра в земном и загробном мире», и тогда я понимал, что напоминаю ей Кегаму и что она, прости господи, будто ласкает своего покойного жениха.

Помимо иконы Девы Марии в комнате мадемуазель Варвары была увеличенная фотография Кегаму, обрамленная черным тюлем. Но какая! Солнце и сырость так изменили ее, что лица не было видно. В многолетнем противостоянии только брови и часть усов не сдались под натиском пятен, пузырей, плесени и следов мух.

Но усталые, обрамленные черными кругами глаза мадемуазель Варвары, когда она с любовью смотрела на фотографию, видели глаза, нос, рот и даже многозначительную улыбку Кегаму во всех подробностях и на нужном месте.

К счастью для нее и для меня, лица Кегаму не было видно. В противном случае история любви, которую я слушал со странным удовольствием, не впечатлила бы меня. Что касается мадемуазель Варвары, ее смешная слабость меня не смущала. Возможно, причиной тому был возраст.

Когда мы беседовали по вечерам, я, улыбаясь, говорил:

– Давайте приглушим свет лампы, так будет лучше для глаз.

В ее голосе слышалась гармония смирения, а движения длинного, изящного тела были преисполнены такой романтической грации, что я почти видел красавицу, историю которой слушал в темноте.

Шея мадемуазель Варвары была довольно длинной и тонкой. Она постоянно склонялась к правому плечу, как будто не в силах вынести тяжести головы, и старая дева все время опиралась головой на руку, когда говорила. Особенно характерным этот жест становился, когда она смущалась или же рассказывала что-то, от чего можно смутиться. Ее узкие плечи поднимались, левая рука скользила по груди, которая становилась еще более впалой. В такие моменты она походила на голую женщину, купающуюся в реке, когда ее вдруг увидел мужчина.

²² Сладость наподобие чурчелы.

Глава VI

В то время в уголке моего сердца, как и в сердце мадемуазель Варвары, трепетала давняя любовь. Возможно, именно поэтому мы с ней так хорошо ладили.

Моя любимая жила по соседству в нашем квартале. Ее звали Мелек, и теперь она училась на стамбульских педагогических курсах для женщин.

Когда мы стали соседями, она была кудрявой, белокурой толстенькой девочкой лет одиннадцати-двенадцати, розовощекой и голубоглазой, с длинными ресницами и мелкими чертами лица. Мы были ровесниками.

Ее кукольная красота, розовая шапочка и юбка с оборками создавали впечатление, что она вышла из витрины магазина. В то время я не мог представить, что существуют девочки прекраснее Мелек. Я сразу же влюбился и решил непременно жениться на ней, когда вырасту.

Я стал причесываться как взрослый, носить галстук и длинные брюки, пытаюсь таким образом привлечь ее к себе.

Вероятно, Мелек тоже была ко мне равнодушна. Об этом свидетельствовало ее смущение – верный признак любви в этом возрасте. Дома мы оба озорничали и даже порой вели себя бессовестно, но при встрече принимали серьезный вид и не смели говорить друг с другом. Еще мы иногда посылали друг другу платок или бутылочку с лавандой.

Но когда Мелек исполнилось тринадцать, она внезапно выросла и начала носить чаршаф.

Я же еще был ребенком. Мне хотелось как можно скорее отрастить усы, чтобы поспеть за ней, и я постоянно сурьмил верхнюю губу.

Под началом моего отца служил старый белобородый солдат Камбер. Всю молодость он скрывался, не желая идти в армию, но к пятидесяти годам его поймали. Впрочем, человек он был хороший, хотя и слегка не в себе.

Я страдал от одиночества и поверял ему свои горести. Но однажды он жестоко высмеял меня, отняв последнюю надежду. «Ну что за усы, как лук-порей, да еще нарисованный!» – сказал он, ехидно прищурившись.

Разве можно было сомневаться, что Мелек отныне пренебрегает мной? Порой я видел ее на улице в черном чаршафе и вуали, рядом с матерью, которую она уже переросла, и тогда мне хотелось поскорее спрятаться в какую-нибудь дыру.

Наш квартал тоже изменился, и больше я с Мелек не сталкивался. Так закончился первый акт нашей любовной истории.

Второй акт начался через несколько лет: местом действия стала оживленная автобусная остановка в Шехзадебаши²³, временем действия – вечер Рамазана²⁴.

Мелек ничуть не изменилась. Не знаю, насколько иначе выглядело мое лицо, но рост уже позволял взять реванш. Роскошная форма студента инженерного училища тех времен сегодня позволила бы заткнуть за пояс любого генерала, да и к тому же хорошо скрывала все недостатки моего худого тела. В вечернем полумраке наши глаза на миг встретились, и я заметил, как Мелек слегка покраснела под черной вуалью, а взгляд ее дрогнул. Переглянувшись, мы оба смущенно улыбнулись и отвернулись друг от друга.

Круг вновь замкнулся. Отныне каждую субботу я выпрыгивал из кровати, не дожидаясь, пока отец придет брызгать мне в лицо водой, и бежал навстречу Мелек, которая в сопровождении старой тетушки направлялась на педагогические курсы.

Случайная встреча всегда происходила на одной и той же улице. И каждый раз она несколько секунд смотрела на меня, ее ресницы трепетали, а губы непременно складывались

²³ Район Стамбула.

²⁴ У мусульман – месяц поста.

в страдальческую улыбку. Вот она, великая любовь тех лет, впечатлений которой нам хватало на целую неделю.

Мое сердце разрывалось на части, когда я думал о том, как Мелек понапрасну ждет меня каждую субботу, как она замедляет шаг, полагая, что я опаздываю.

Пару раз я даже хотел рассказать об этом мадемуазель Варваре, но несчастная полоумная старуха блуждала в своем собственном мире, и донести до нее что-то, не связанное с Кегамом, было совершенно невозможно. Она слушала меня со странным беспокойством, как будто я вторгнулся в ее мысли, и обычно начинала говорить о себе. Когда же я попытался сравнить мою Мелек с Кегамом, на меня обрушилась волна ненависти. Так тема была закрыта раз и навсегда.

Впрочем, со стыдом признаюсь, что в моих чувствах к Мелек не было и тысячной доли постоянства, которым отличалась любовь мадемуазель к Кегаму.

Не прошло и месяца с момента моего приезда в Милас, как я ужасным образом предал девушку и началась череда странных, невероятных авантюр.

Это довольно долгая история.

* * *

Церковный квартал сплошь состоял из покосившихся старых домов. Обрамленная ими площадь зимой утопала в грязи, а летом – в солнечном свете и пыли.

В летнюю жару идти через центр площади было выше моих сил, поэтому я двигался по краю разбитой мостовой, прячась в жалкой тени, которую отбрасывали карнизы домов.

Днем мужчины и девушки уходили на работу, дети были в церковной школе, а в квартале оставались только замужние женщины и старики.

Окна обычно были закрыты, занавески приспущены, а двери домов, напротив, постоянно открыты настежь. В сумрачных, прохладных дворах старухи в домотканых шароварах и черных платках сидели за ткацкими станками или качали детей на качелях. Иногда там же босоногие, неряшливо одетые женщины, повязав головы белыми тряпками, стирали белье и пели песни.

Но к вечеру, когда солнце начинало садиться, картина преображалась. Пепельно-серые фасады домов играли новыми красками, на них проступали тонкие стебли виноградной лозы и плюща. Под открытыми окнами выстраивались ряды горшков с геранью и базиликом.

Из дверей в углу церковной ограды на площадь с шумом и гамом выбегали дети, и жизнь плавно перетекала на улицу.

Казалось, что в разгаре базарный день: перед дверьми появлялись топчаны, скамейки, прялки, кувшины, подносы с зеленью и овощами, стелились циновки. Старухи в шароварах, которые днем ткали, теперь брались за прялки, молодые женщины чистили овощи или заворачивали сарму²⁵. Все население церковного квартала, от младенцев до стариков, было в этот час на улице.

Тут же принимали гостей, предлагали угощение, решали денежные споры и делили наследство, договаривались о свадьбах и приданом, наказывали провинившихся детей. Ближе к закату главный священник выходил на вечернюю прогулку, останавливался перед каждым крыльцом, чтобы поговорить с хозяевами, а порой садился в кресло, которое торжественно приносили из дома специально для него, и пил кофе или ликер.

Церковный квартал состоял не только из домов, окружавших площадь. Здесь жили в основном аристократы. Народ победнее ютился в лачугах на задворках. Там было многолюдно, и по вечерам вся эта толпа, словно веселое карнавальное шествие, стремилась на площадь по переулкам.

²⁵ Блюдо из риса с травами и специями, завернутого в виноградные листья.

В эти часы каждый был одет во все лучшее. Молодые женщины и девушки в новых платьях покрывали голову, руки и грудь платками и лентами, расшитыми кружевом, монистами и бусинами, надевали оловянные подвески и украшения из воскового жемчуга. Над всей этой красотой приходилось месяцами корпеть с иголкой, напрягая глаза.

Что касается мужских костюмов, тут уж нищету не удавалось скрыть под слоем бусин, лент и оловянных безделушек. Хотя мужчины тщательно причесывались и надевали поверх минтанов²⁶ расшитые жилеты, их пиджаки были протерты на локтях, а бесформенные брюки вытянуты на коленях. На ногах у них красовались стоптанные туфли без задника. Рядом с женами и невестами они казались презренными бедняками, одетыми в лохмотья.

Впрочем, все давно привыкли к этому неравенству мужских и женских нарядов, и оно никого не расстраивало.

Чем темнее становилось, тем ярче светились голубоватым огнем двери и окна домов, и тем благороднее и краше смотрелись любовно прильнувшие к плечам плохо одетых мужей молодые жены. С волнистыми волосами, в начищенных туфлях, в белых льняных платьях, плотно облегающих грудь и бедра, они казались ученицами школы для аристократок, но при этом не стеснялись следовать за своими мужьями в кушаках и заплатанных рубахах.

Гуляния продолжались до поздней ночи. Молодые девушки, обнявшись за талию, прохаживались по двое или трое, тихонько пересмеивались и напевали песни.

Годами жители квартала бились с муниципалитетом, требуя установить несколько фонарей, и наконец из Измира привезли огромную роскошную лампу. Половину затрат покрыла церковь, а другую половину – население квартала.

Чтобы сократить расходы, ее включали только в безлунные ночи, иногда устраивали в ее свете собрания и танцы. Под звуки граммофона или волынки юноши и девушки рука об руку водили касап²⁷.

Дом тетушки Варвары не падал лишь благодаря двум подпоркам, но при этом стоял с достоинством корабельной мачты и считался одним из самых аристократических домов квартала. Вместе со мной в нем появилась небывалая роскошь.

Романтический облик не мешал тетушке Варваре быть крайне бережливой и расчетливой домохозяйкой. Несколько лир, которые я платил за питание, в ее руках казались сотнями – так много она на них покупала, а наш дом больше походил на отель класса люкс.

Мадемуазель Варвара очень любила выставлять все напоказ. Она могла часами стоять у двери и ждать крестьян, готовых продать сыр и сливочное масло по самой низкой цене, чтобы затем угощать соседей. Раз в несколько дней резали специально откормленных индеек, и тетушка обязательно вывешивала их тушки перед входной дверью, якобы чтобы вкуснее были, а на самом деле, чтобы показать их всем прохожим.

Наши подносы с хлебом и сладостями приносили из пекарни непременно в тот час, когда квартал был сильнее всего запружен народом, а люди очень хотели есть. Что касается меня, покрасоваться я любил не меньше мадемуазель Варвары, но проявлялось это иначе. Я с огромным удовольствием каждый день надевал новый костюм и щеголял в разноцветных рубашках, галстуках и ботинках, особенно после того, как прибыл мой чемодан с одеждой. В первые дни я сторонился девушек и заводил дружбу со стариками и детьми.

Оказалось, я вел искусную политику, даже не подозревая об этом. В городке не считалось зазорным заигрывать с молодыми гречанками при встрече, но я держался от них подальше, и по этой причине в церковном квартале прослыл честным и порядочным юношей. С другой стороны, мое поведение притягивало барышень и толкало их на сближение.

²⁶ Мужская рубашка без воротника.

²⁷ Разновидность турецкого хоровода.

Когда я однажды пришел домой в неурочный час, то застал одну из них глядящей мое бельё вместе с мадемуазель Варварой. Ее звали Стематула, и ее знали все. Девочка-сирота, которая выросла в доме своего дяди, бедного больного старика, прикованного к постели... Народ помогал ей.

Стематула была самой раскованной и крикливой девушкой квартала. Она открыто флиртовала с мужчинами во время вечерних прогулок, и поэтому многие относились к ней недружелюбно. Тем не менее, увидев меня, она смутилась, как будто ее поймали на месте преступления, и попыталась уйти.

Я лишь кивнул ей и начал беседовать с тетушкой, загородив дверной проем, так что она не могла пройти мимо меня.

Стематула с ее черными как смоль выющимися волосами, блестящими глазами, немного вздернутым изящным носиком могла считаться очень приятной и красивой. Сейчас я это понимаю, но тогда она не совпадала с образом красавицы, который я себе придумал, и поэтому не понравилась мне.

Стематула стала моей первой подругой среди девушек квартала. Следом за ней, подобно птичкам, которых приучают есть корм с руки, пришли и другие.

Очень скоро их было не меньше полудюжины. Я все еще помню их имена, в том порядке, в котором они меня интересовали: Марьянти, Еленица, Деспина, Рина, Миерис, Пенелопица (все звали ее Пица). Сказать по правде, девушек во мне привлекали не только длинные красивые волосы и вычурные галстуки. Без сомнения, особую роль сыграло несравненное богатство нашего дома.

Любовь к достатку и хвастовству подточила моральные устои мадемуазель Варвары. До моего приезда старая дева жила на три меджидие²⁸ в месяц и еле-еле сводила концы с концами, экономя на всем. Теперь она привыкала к мотовству, порой собирая девушек в саду позади дома и угощая вареньем, сыром и пирожками. Разумеется, они не оставались в долгу и помогали ей управляться с домашними делами.

Но когда я был дома, девушкам запрещалось переступать его порог. Судя по их поведению, тетушка давала десятки наставлений и предостережений, напоминая, что я – молодой холостяк. Вроде бы мои беседы с барышнями никак не могли насторожить население квартала. Мимолетный разговор всегда происходил на улице, в толпе, у всех на виду. Никто никогда не видел, чтобы я оставался с какой-то из подруг подолгу наедине.

Но должен сказать, что на людях девушки тоже вели себя невероятно тонко и хитро.

Стоило мне выйти на церковную площадь, как я чуть ли не сталкивался нос к носу с одной или двумя. Они какое-то время шли рядом со мной, потом, пройдя шагов пятьдесят, уходили в сторону, уступая меня другой группе, которая тоже будто бы случайно появлялась на моем пути. Иногда я сам бросал их на середине дороги, чтобы завязать дружескую беседу с детьми или стариками квартала.

Однако такого рода общение не могло долго продолжаться. Постепенно мои подруги начали соперничать между собой, ревновать и распускать сплетни. Самой ловкой и хитрой в этом деле оказалась Рина.

Как-то вечером я столкнулся с ней вдалеке от церковной площади, на одной из окраинных улиц городка. Она возвращалась с рынка с небольшой корзинкой в руках. Хотя у меня были дела на рынке, я пошел с ней. Мы разговаривали всю дорогу и вместе подошли к церковному кварталу. Я даже предложил понести ее корзинку, но она наотрез отказалась.

Рина была красива, но тоже не соответствовала придуманному мной идеалу. Когда мы оставались наедине, я не мог оторвать глаз от ее высокого чистого лба, чудесных губ и прекрасного носа, но все же придерживался мнения, что такая девушка не должна нравиться,

²⁸ Меджидие – серебряная монета достоинством в 20 курушей. В одной золотой османской лире 5 меджидие.

ведь на ее щеках проступали веснушки, а подбородок был слегка кривым. Однако почему-то в тот вечер, когда мы вместе шли домой, я почувствовал, что больше всего меня завораживают именно ее веснушки и подбородок.

На следующий день я вновь случайно встретил Рину на том же месте, с той же самой корзинкой...

Когда же она через день в третий раз попалась мне на глаза, я наконец все понял. Должно быть, сегодня она ждала меня дольше обычного, устала стоять и поэтому присела на крыльцо одной из развалюх и погрузилась в плетение кружева.

Увидев меня в двух шагах, Рина совершенно растерялась и покраснела.

– Чего ты ждешь, Рина? – спросил я со смехом.

Рина недолго колебалась.

– Отец должен прийти с рынка... – солгала она.

Я сделал вид, что поверил:

– Хорошо, тогда жди...

Я начал удаляться, но Рина не села обратно на крыльцо. Через пять-десять шагов я обернулся и увидел, что она медленно идет следом за мной.

– Что, решила не ждать отца?

Я смотрел на Рину и улыбался, взглядом показывая, что все понимаю.

Она засмеялась в ответ и пожала плечами, давая понять, что не боится быть уличенной в хитрости:

– Я пойду, не буду ждать.

В этот час улица была безлюдна, а точнее, совершенно пуста. Обычно мы болтали без умолку, но сегодня у нас словно языки отнялись. Мы шли бок о бок, я поглядывал на Рину, а она мгновенно перехватывала мой взгляд, вздрагивала и с улыбкой смотрела на меня.

Я почувствовал необходимость что-то сказать:

– Рина, давай я немного понесу твою корзинку.

Девушка задрожала от страха:

– Вы понесете? Нельзя.

– Можно... Ты устала...

– Это стыдно, что скажут люди, если увидят?

По мнению Рины, показаться вместе, практически рука об руку, не считалось зазорным. Но если бы я нес ее корзинку и нас увидели, разразился бы страшный скандал.

В тот вечер все кипело у меня внутри: хотелось схватить девушку за неровный подбородок, дотронуться до веснушчатой щеки, укунить за губы, словом, играть с ней и тормозить, как котенка. Такой возможности не было, поэтому я схватил корзинку и гневно сказал:

– Дай ее сюда... Я так хочу.

Рина крепко держала корзинку. Она даже сжала ее коленями, зная, что силы рук не хватит. Наши пальцы и волосы соприкоснулись, ведь это неизбежно в борьбе, и мы оба вдруг остановились, с трудом переводя дыхание.

Она вновь повесила корзинку на руку, и мы продолжили путь.

– Ты очень упрямая, Рина...

– Я очень упрямая. Но если увидят, будет очень стыдно... Вы несете мою корзинку – как стыдно!

– Почему же стыдно, разве мы не друзья?

– Вы другой человек...

Наивные слова этой бедной девочки и почтение в ее глазах лучше, чем что бы то ни было, передали то восхищение, с которым люди квартала относились ко мне.

Я почувствовал уверенность и нахально заявил:

– Я собираюсь на прогулку в Турунчлук. Пойдешь со мной?

Она сразу отвергла мое предложение.

– Это невозможно. А если увидят, будут говорить, это очень стыдно... И еще мама... Вы знаете, моя мама...

Подмигнув, она озорно засмеялась и показала жестом, что ее выпорют.

– Ну если так, ладно... пойду один.

Мы дошли до угла улицы, не говоря друг другу ни слова.

– Здесь мы расстанемся... Я уйду.

Рина замерла в нерешительности, как будто обдумывая что-то. Она привстала на носках, но молчала.

– Ты что-то хочешь сказать?

Понизив голос, как будто вокруг нас толпились люди, она сказала:

– Вы сейчас пойдете. Я, может быть, потом приду другой дорогой. Никто не увидит.

Невероятно! Рина принимала приглашение. А значит, скоро мы останемся наедине в одном из уголков Турунчука, будем сидеть рука об руку и, может быть, даже...

Но на этот раз испугался я. Если нас все же случайно поймут, Рина, скорее всего, отделается парой пощечин, которыми наградит ее мама, и день-другой проведет дома взаперти. Мне же останется лишь собрать пожитки и бежать из церковного квартала.

Была и другая опасность: если наши с Риной отношения будут иметь продолжение, об этом непременно узнает Марьянти, и тогда мы с ней поссоримся. Между тем на тот момент она привлекала меня больше, чем другие шесть барышень.

Красавица Марьянти походила на мою стамбульскую возлюбленную Мелек ростом, фигурой и цветом волос. Ее толстые косы того цвета, который ныне зовется платиновым, отливали на солнце золотистым блеском и при ходьбе касались бедер. Сейчас я понимаю, что Марьянти была глуповата. Но благодаря вышеупомянутым ее чертам я был уверен, что это самая глубокая и чувствительная натура среди моих подруг. Ее значимость в моих глазах возрастала.

Мы виним молодость в том, что она склонна терять голову. Однако старость менее уважительно относится к заведенному порядку и установленным правилам. Если бы я мог вновь вернуться в церковный квартал и прожить ту жизнь еще раз, но уже с нынешним характером, я бы, как вандал, отринул Марьянти с ее точеным телом и густыми волосами, и выбрал бы Пицу, – из семи девушек самую невзрачную, с резко очерченным алым ртом, пушком над верхней губой и подвижным носом, тонкие крылья которого трепетали, словно жабры рыбки.

Поистине, тогда меня спасло чудо: оно велело мне отказаться от прогулки с Риной в Турунчук. Ведь ее невинная хитрость не укрылась от взгляда беса-Стематулы, которая знала, что Рина уже три дня встречает меня на полпути.

В тот вечер и на следующий день Стематула беспрестанно ходила за мной по пятам и все время поносила Рину. Она утверждала, что зря люди квартала называют ее саму нахалкой, ведь Рина – самая бессовестная девушка, ленивая лгунья, невоспитанная плутовка. Дескать, она флиртует не только с молодыми людьми, которые попадают ей на пути, но и с женатыми, семейными мужчинами. Поэтому, если она станет приставать ко мне, не следует проявлять благосклонность.

Позже Стематула говорила так обо всех подругах, которые пытались сблизиться со мной.

Бедная девушка понимала, что ее положение в квартале ничтожно, и не питала иллюзий относительно собственной персоны. Но в то же время она чувствовала какое-то родство душ, некую связь между нами, и тянулась ко мне, кусая губы от отчаяния. Стематула не оставляла меня в покое, пока не убеждалась, что ей удалось меня одурачить.

Вместе с тем вскоре после этой бессмысленной сцены ревности у нее появилась помощница: моя квартирная хозяйка тетюшка Варвара...

Стоило мне немного сдружиться с девушками, старая мадемуазель немедленно это почувствовала и, не осмеливаясь напрямую наброситься на меня с упреками, начала, как и

Стематула, обвинять девушек. Она осуждала их всех, говорила, что они забываются и, подобно попрошайкам и падшим женщинам, бегают за мной по пятам. Девушки чуть не плакали, на их лицах, как и на лице Стематулы, попеременно отражалась то совершенно детская обида, то раздражение.

Когда я был дома, тетушка Варвара принципиально не впускала никого из девушек, кроме Стематулы. Но хитрая Стематула постепенно сломила сопротивление старой девы и добилась того, чтобы и другие девушки получили такую привилегию.

Как-то в пятницу вечером тетушка Варвара при помощи Стематулы на специально выделенные мной деньги устроила званый обед. Официально был приглашен только каймакам, главный священник отец Хрисантос и квартальный староста Лефтер-эфенди. Доктор Селимбей тоже должен был прийти, но заболел.

Тетушка Варвара очень обрадовалась новой возможности похвастаться перед всем кварталом. Таким образом она одним выстрелом убила бы не двух и даже не четырех, а пятерых зайцев, причем стреляя из чужого ружья.

Прежде всего, в ее дом должен был прийти каймакам города Миласа. Это было сравнимо с той честью, которую оказало ей Османское государство, когда приняло под свое покровительство.

Мадемуазель Варвара почему-то не любила каймакама и с удовольствием злословила о нем, когда бывала возможность. Но как только речь зашла о визите, ее слова сразу изменились. Стоя на крыльце и ошипывая двух индеек, зарезанных для соседей, она гордо говорила:

– Вы знаете, что значит «каймакам»? Это заместитель нашего великого падишаха. Зачем же смотреть на его рост? В Миласе выше каймакама только Аллах.

У мадемуазель Варвары имелась и вторая цель: угодить главному священнику. Старая дева ходила в церковь каждое воскресенье и ставила свечи перед иконами святых. Однажды она разъяснила, почему так делает:

– Меньше, чем православных греков, я люблю только свои грехи. Но, к несчастью, в Миласе нет других армян, кроме меня, поэтому и армянской церкви нет... Вот идут все верующие в свои мечети, синагоги, церкви, а я что, дома буду сидеть, точно безбожник какой? Вы ведь знаете, даже мусульмане имеют право совершать намаз в церкви, если нет рядом мечети. И потом, я уже одной ногой в могиле стою. Придет день, и Создатель воссоединит нас с Кегамом... Так что же, пусть меня хоронят на улице, как собаку? Я не влюблена в черные глаза отца Хрисантоса, но что делать! Когда я умру, он позаботится обо мне и отпустит мои грехи...

Несчастливая старая дева с нетерпением ожидала священника потому, что боялась остаться одна перед смертью и быть похороненной не по обряду. Учитывая все это, наш прием имел особую политическую цель, как обед между дипломатами двух соседних стран.

Визит квартального старосты тоже был прочно связан со стратегией, которой следовала тетушка Варвара. Лефтер-эфенди, старый османский чиновник, в силу своего авторитета имел влияние в других органах правления и в судах.

Со своей жидкой бородкой и смиренным видом он выглядел как Христос в старости. Хотя Лефтер-эфенди производил впечатление человека даже более благочестивого, чем главный священник, на самом деле он был «зубаст», палец в рот не клади.

Тетушка Варвара говорила о нем так:

– Да вы знаете, он дьявол в ангельском обличии. Кто его не боится, тот и Аллаха не боится. Если вдруг взбрыкнет, может на весь квартал несчастье наслать.

Подготовка к обеду началась за три дня. Столько хлопот обычно бывает только перед свадьбой.

В помощники нам подрядился весь церковный квартал. Дом от крыльца до чердака сиял чистотой, в саду все было прибрано, даже железные ножки кроватей в спальнях были начищены, словно гости собирались там обедать. Во время подготовки выяснилось, что за фрукт

эта Стематула. Чертовка не только стала правой рукой тетушки Варвары во всем, что касается приготовления пищи, но и ухитрилась провести в дом по одной всех своих подруг, чтобы они могли выполнить небольшие поручения.

На кухне квартирная хозяйка вместе с Деспиной раскатывала тесто и фаршировала перец, в саду Марьянти натирала столовые приборы, а Пица на крыльце чистила овощи. Еленица и Рина гладили скатерти и салфетки на большом столе в прихожей. Поскольку инженер уехал инспектировать участок, я, пользуясь возможностью, отлынивал от работы. Я делал вид, что проверяю, как идет подготовка к приему, но на самом деле слонялся по дому вверх-вниз, словно горе-работник. Поболтав немного на кухне с тетушкой Варварой, я выходил на крыльцо и, засунув руки в карманы, наблюдал за Пицей, перебирающей зелень. Как сильно меняются некоторые лица в зависимости от точки наблюдения! Бог мой! Глядя сверху вниз, я видел растрепанные волосы, ниспадающие с двух сторон на выпуклый лоб, густые черные брови, длинные ресницы и острый подбородок девушки, так непохожей на Пицу в профиль или анфас. Иногда она поднимала глаза и смотрела на меня, и тогда ее губы, оттененные пушком, казались ярче и влажнее. От этого взгляда у меня легонько сводило скулы. Я садился на гору овощной кожуры и, не думая о том, что будет с моими брюками, помогал ей чистить овощи, пока до меня не доносился звук шагов или скрип дверей.

Тогда я, посвистывая, возвращался в сад, к Марьянти.

Марьянти была дочерью старого ювелира, который отошел от дел, потому что перестал видеть. Раньше он делал золотые браслеты на своем станке и, скорее всего, был не слишком солидным, внимательным и серьезным отцом. Молодая девушка чистила приборы речным песком, который нам с утра за плату притащили дети квартала. Она разглядывала их на солнце и, заметив пятнышко, принималась за дело вновь. Я уже отчаивался с ней сблизиться.

Мне хотелось непременно понравиться Марьянти, увидеть искорку смеха или одобрения в ее глазах, и я придумывал самые интересные темы для разговора. Но рядом с ней они иссякали за пару минут.

Нельзя сказать, что она плохо владела турецким языком. Торгуясь с уличными продавцами, она изъяснялась лучше, чем все ее подруги вместе взятые.

Может быть, она считала меня ребенком, а мои слова – бессмысленными? Тоже нет. Ведь когда она сама все же произносила несколько слов, они казались простыми и пресными по сравнению с тем, что говорил я.

Правда лежала на поверхности, но я не мог предположить, что в этой прекрасной головке, играющей всеми красками и обрамленной золотыми волосами (теперь бы сказали, в стиле Греты Гарбо), нет и намек на неземные тайны.

Марьянти сидела на корточках, подобрвав подол юбки. Заметив меня, она на секунду поднимала голову, улыбалась, а затем вновь погружалась в работу.

В один из таких моментов она потеряла равновесие и упала назад, так что ноги задралась кверху. Я сразу же схватил ее за руки, чтобы поднять, и постарался казаться взволнованным.

Приключись такое с другой девушкой, Марьянти еще неделю потешалась бы над этим. Но теперь она только сказала: «Все в порядке, мне не больно» – и, стряхнув пыль с юбки, продолжила свое занятие.

Солнце освещало голову Марьянти, каждый волосок переливался, лицо играло яркими красками, а кожа, под которой проступали тонкие нити сосудов, казалась прозрачной. Луч скользил по прохладной ткани блузки, мягко облегающей выпуклости тела, стекая по спине и груди; невидимый пушок на коже вспыхивал огоньками, придавая коже муаровый блеск.

Вероятно, даже будущему мужу Марьянти не удастся увидеть ее так красиво освещенной и в таких деталях. Но как долго можно глядеть на человека, который иссушает твои самые восторженные слова, подобно ветру пустыни, и сам при этом молчит? По этой причине я оставался рядом с ней ровно столько времени, сколько требуется, чтобы проверить, как начищены

вилки и ложки, а затем был вынужден развернуться и уйти. Но должен сказать, что это было не такой большой потерей для меня, как я тогда воображал.

Да, Марьянти была красива. Истинные знатоки красоты подняли бы на смех того, кто не согласился бы с этим. Но, увы, хотя я искренне верил, что такая девушка должна нравиться и даже покорять сердца, мысли о ней не заставляли кровь играть, не будоражили нервы. Что касается растрепанной, остроносой Рины, которая сейчас наверху распевала песни и иногда подходила к окну с утюгом в руке, тут все было по-другому. Возможно, именно поэтому группу гладильщиц, в которую вошли она и Еленица, я оставил напоследок. Я поднимался по лестнице не быстрее и не медленнее, чем шел до этого, но теперь я ступал иначе, и даже тембр моего свиста изменился. Рина, в противоположность бесчувственной Марьянти, была все время начеку и постоянно кокетничала. Поняв, что я иду, она быстрым движением руки пригладила волосы, привела в порядок лицо и платье. Однажды я увидел, как она расстегивает пуговицу на груди. Но она сразу догадалась, что жест не остался незамеченным, и застегнула пуговицу назад.

Наблюдать за работой Риной и Еленицы было приятно. Но, как назло, не прошло и двух минут, как появилась Стематула. Она запыхалась, взбегая по лестнице, и сразу же встала над нами, как надсмотрщик. Не умолкая ни на минуту, она, словно злая мачеха, обрушилась с бранью на девушек, испортив нам настроение.

Мы с Риной странным образом поняли друг друга. Когда Стематула отворачивалась, Рина делала мне многозначительные знаки, высовывала язык и насмехалась над подружкой. К тому же попытка Стематулы вмешаться в чужие дела не увенчалась успехом: через несколько минут снизу раздался голос тетюшки Варвары:

– Стематула... Куда ты опять пропала, Стематула?..

Стематула раздраженно повела плечами и не отозвалась.

– Я из сил выбилась, тружусь на кухне, уже от усталости падаю... Я что, никогда не отдохну?

Через некоторое время тетюшка пришла в ярость:

– Негодница Стематула... Ты что, под землю провалилась? Сковорода горит!

Девушка начала умолять меня:

– Кемаль-бей, прошу вас, скажите: «Я послал Стематулу к бакалейщику».

Но тут Рина, сделав вид, что не слышит, совершила подлость и, опережая меня, закричала:

– Мадемуазель, Стематула здесь!.. Вы хотите ее видеть? Сейчас придет.

У Стематулы побелело лицо, глаза полезли на лоб. Если бы не мое присутствие, она, несомненно, накинулась бы на Рину, словно бешеный петух, и разорвала бы ее на части.

Она несколько раз сглотнула, собираясь сказать колкость, а потом, опустив голову, начала спускаться вниз, ни на кого не глядя.

На этом инцидент был бы исчерпан, но на середине лестницы Стематула быстро обернулась и увидела, как Рина копирует ее движения.

Тут я испугался. Стематула могла проявить характер во всей красе и поднять страшный крик. Но она не стала этого делать. Поднявшись на несколько ступеней, она подбоченилась и медленно, выговаривая каждое слово, сказала Рине что-то по-гречески. Затем, словно уняв свое раздражение, она с радостным и довольным выражением лица вприпрыжку спустилась по лестнице.

Девушки невольно закрыли лица руками. Я понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее, поэтому предпочел сбежать в свою комнату и запереть дверь.

Через некоторое время я услышал, как кто-то плачет. Я приоткрыл дверь и увидел Рину. Она уронила голову на стол, закрылась руками и содрогалась от рыданий. Еленица, склонившись, гладила ее волосы и лоб и что-то тихонько говорила.

Необходимо было вмешаться. Я подошел к девушкам и спросил:

– Что случилось, Рина?

Еленица говорила по-турецки хуже всех, но после небольшого колебания произнесла:

– То, что Стематула сказала, очень плохо, очень стыдно, Стематула плохая девушка...

Похоже, дело принимало серьезный оборот. Я понял, что надо положить этому конец, и приказал:

– Ну-ка, Еленица... сходи вниз... и позови ко мне Стематулу...

Еленица страшно испугалась и принялась умолять:

– Не надо, Кемаль-бей... Вы хотите что-то сказать Стематуле... А она когда сердится... так страшно кричит... Прошу вас, Кемаль-бей...

Я настаивал:

– Не бойся, Еленица... Я ничего дурного ей сказать не хочу... Приведи ее непременно...

Мой вид придал Еленице уверенности. Она спустилась вниз, вызвала Стематулу во двор, и они начали что-то тихо обсуждать.

Рина все еще плакала навзрыд. Я подошел к ней:

– Ну что ты как ребенок, Рина! – сказал я. – Неприлично себя так вести. Ты дразнила Стематулу... а она тебе ответила. Я не понял, что она сказала, но, очевидно, что-то непристойное... А ну-ка, подними голову...

Я склонился над ней, как до меня Еленица. Но когда я коснулся ее волос, нас обоих словно ударило электрическим током. Меня охватил жар, какой бывает при сильном гневе, я схватил Рину за уши, силой приподнял ее голову и развернул лицом к себе.

Нужные слова не приходили в голову:

– Взрослая девушка, считай невеста... Тебе не стыдно?

Я почти угрожал.

Ее заплаканное лицо было в полном беспорядке. Губы распухли, мокрые щеки и нос расплылись, на лбу обозначились две красных полосы от стыка столешниц. Я чувствовал, как ее уши горят в моих руках. Она не сопротивлялась, не вырывалась, только утирала нос платком.

Продолжая говорить что-то не связанное с причиной гнева, вроде «если будешь так плакать, никто не возьмет тебя в жены и любить не будет», я взял полотенце и принялся грубо, небрежно вытирать щеки, нос, рот и подбородок Риной.

Со двора слышались приглушенные, взволнованные голоса Стематулы и Еленицы, которые перебивали друг друга. Они вряд ли поняли, что происходит у нас с Риной.

Она немного успокоилась и уже не нуждалась в утешении, но не убирала мои ладони от своих щек.

– Я лучше пойду, Кемаль-бей, – говорила она.

– Я не стану удерживать тебя силой, иди, если хочешь... Но это неправильно.

Она непокорно откинула голову назад и приникла к моей груди, почти что упав в мои объятия.

Полагаю, нет, просто уверен: в тот день мы обязательно наломали бы дров. Но тут послышались шаги Стематулы и Еленицы, которые наконец-то пришли к согласию. Я быстро отпустил Рину, отступил на несколько шагов назад и с серьезным выражением лица остановился в ожидании.

Стематула была расстроена и казалась напуганной. Вероятно, она ожидала от меня упреков и боялась, что ее прогонят.

С серьезностью судьи, готового обвинить обеих, я приступил к делу:

– Как вам не стыдно... Взрослые барышни, а дуетесь друг на друга, точно дети... Одна дразнит другую, та отвечает обидными словами... Я не понял, что сказала Стематула, но по всему ясно, какое-то оскорбление, гадость... Такая нелепая ссора, я даже не знаю, что сказать. Мне жаль вас.

Я и правда не знал, что сказать. Примирение началось успешно, но завершить его никак не удавалось.

– Обе ждите меня здесь, – сказал я жестким, приказным тоном и быстро удалился в свою комнату.

Перерывая шкаф в поисках необходимого, я то и дело прислушивался к тому, что происходит снаружи.

Но из прихожей не доносилось ни звука. Девушки, вероятно, со страхом и любопытством ждали моего решения.

Придав лицу серьезное, но все же гораздо более приятное выражение, я вновь открыл дверь, держа в руках несколько безделушек.

– Все три, подойдите-ка к этому столу. Что вы стоите, словно не поняли?

Со страхом, опустив глаза, девушки подошли к столу. Я положил по шелковому платку перед Риной и Стематулой, а перед Еленицей поставил бутылочку с одеколоном.

– Это подарки в честь вашего примирения. Возьмите их и немедленно помиритесь, чтобы я видел...

Движущей силой нищего церковного квартала была страсть к вещам, ничего сильнее не существовало. Все, вплоть до ребятишек, играющих на улице, тряслись над своим добром, даже самой ненужной мелочью вроде грошового албанского перочинного ножа или жестяной банки. Иногда в квартале происходили ссоры и драки, и причиной этого почти всегда становилось имущество.

Порой из какой-нибудь лачуги доносились истошные вопли и стоны.

Через некоторое время становилось известно, что какая-нибудь девушка из тех, что по вечерам прогуливаются рука об руку на площади, вскоре отправится в село или окажется навеки заперта в жалкой лачуге или лавчонке. А все потому, что бедняжку обманули: она польстилась на три аршина ткани или туфли с блестящими пряжками.

По наивности я полагал, что нашел гениальный способ примирения. Общая ценность этих вещей не превышала одного блестящего меджидие, но для трех бедных девушек они имели огромную ценность.

Рина и Стематула сложат свои шелковые платки и, поглаживая, запрут их в глубине сундуков, чтобы вынимать лишь по случаю большого церковного праздника или в день свадьбы.

Еленица много месяцев, а может и лет, будет расходовать одеколон по капельке, а потом обернет бутылочку из искусственного хрусталя лентами и поставит у зеркала как украшение.

Стематула и Рина продолжали хмуриться, но украдкой внимательно разглядывали вещицы на столе.

Я топнул ногой, словно наследный принц, который не желает уступать одалискам-черкешенкам:

– Ну же, чего вы ждете?

Девушки, опасаясь, что я заберу подарки, сделали движение вперед, но поняли, что таких намерений у меня нет, и вернулись на прежние места.

Еленица начинала сердиться. В случае если примирение не состоится, она оказывалась в самом невыгодном положении. Приятным, убеждающим голосом она обратилась к подругам по-гречески.

Рина исподтишка глядела в зеркало тетушки Варвары, поправляла волосы и мятый воротник платья. Ее лицо постепенно смягчалось.

Но Стематула с животным упрямством продолжала смотреть прямо перед собой, блистая черными глазами из-под насупленных бровей. Стало ясно, что любезное примирение невозможно. Грубо схватив Стематулу и Рину за руки, я пододвинул их друг к другу и приказал:

– Смотрите, я последний раз говорю. Или вы помиритесь, или обе уходите, и больше я вам и слова не скажу.

Тут Еленица перешла к более энергичным действиям:

– Ну давайте... стыдно, очень стыдно. Кемаль-бей просит.

Спорщицы, опустив головы, недовольно протянули друг другу руки.

– Не пойдет, очень холодное примирение, – сказал я со смехом, – обнимитесь и поцелуйтесь.

Проворным движением я приблизил девушек друг к другу, и теперь они стояли голова к голове, точно два бодающихся барана.

Стематула с видом мятежника извернулась и обнажила зубы, точно собираясь укусить. Рина ударилась острым носом о щеку подруги и вдруг, скосив глаз в мою сторону, поцеловала Стематулу в губы.

Ссора завершилась примирением. Прижимая обеими руками бутылочку одеколону к груди, Еленица тихо задала волновавший ее вопрос:

– Они поссорились, помирились – но я, за что одеколон?

Еленица не обладала привлекательностью Марьянти и была крупнее всех подруг, при этом ее лицо сохранило детские черты. Она всему радовалась. Когда она смеялась, что случалось довольно часто, на ее подбородке появлялась ямочка, а маленькие глазки влажно блестели, словно капли света, затерявшиеся между круглыми щеками и слегка припухшими веками.

Я тронул ямочку на ее подбородке мизинцем и сказал: «Ты poli omorfo peyda²⁹... Ты никогда не ссоришься», после чего вприпрыжку сбежал вниз по лестнице.

На кухне тетюшка Варвара раздувала огонь в жаровне:

– Мерзкая Стематула, куда ты провалилась? – сказала она, стоя ко мне спиной, и добавила совершенно непристойное ругательство.

Повернувшись, она увидела меня, удивилась и страшно смутилась. Хорошо, что тетюшка не держала в руках сковородку, иначе она бы ее выронила.

Бедняжка много месяцев не могла забыть, как опозорилась. Всякий раз, когда мы болтали наедине и я вдруг улыбался, она тут же замолкала, полагая, что я вспомнил о том происшествии, отводила глаза, а на ее носу проступало красное пятнышко.

²⁹ Очень красивый ребенок (*греч.*).

Глава VII

На первый взгляд прием действительно делался в честь каймакама, священника и старосты. Но на самом деле они, подобно делегации почетных поручителей на благотворительном балу, служили лишь необходимыми элементами. Когда молодой холостяк приглашает в свой дом толпу девушек, а власти закрывают на это глаза, возмущение жителей квартала неминуемо. Но если на праздник прибывают высочайшие представители органов управления, церкви и квартальных властей, можно избежать вопросов. Под предлогом приема мы имели возможность захлопнуть двери перед зеваками, сбежавшимися к порогу, и без страха веселиться всю ночь.

Гости и слова бы не сказали, увидев, что среди нас есть несколько девушек. Более того, прислуживать каймакаму, главному священнику и старосте у накрытого стола было их прямой обязанностью.

Барышни разделись так, словно шли на свадьбу. Надев фартуки в оборках, они, как мотыльки, порхали вокруг стола с блюдами, подносами и графинами.

Во главе восседал каймакам, по правую руку от него мы посадили священника, а по левую – квартального старосту.

Все трое надели выходные костюмы. Каймакам был в сюртуке, квартальный староста – в бесформенном шерстяном пиджаке с воротником-стойкой, похожем на мундир военного. На его груди красовался серебряный орден Меджидие³⁰. На груди главного священника болтался крест, отделанный бирюзой и изумрудами, огромный, словно колокольчик на шее у верблюда.

Вот только перед самым началом торжества тетушка Варвара устроила совершенно неуместную сцену, чем испортила нам настроение, правда, ненадолго.

Как хозяйка дома, она поочередно приветствовала гостей словами «добро пожаловать», нашла поэтичные слова благодарности для каждого, а затем покрыла лицо черным тюлевым платком и зарыдала. Мы удивленно переглядывались, не понимая, что с ней.

Стематула и Марьянти под руки отвели тетушку к умывальнику и помогли ей умыться, прикрыв накрахмаленный воротничок ее платья салфеткой, чтобы он не намок.

Через некоторое время тетушка успокоилась и со смущенным видом вернулась к столу. Чтобы не пачкать тюлевый платочек, она вынула из кармана юбки другой платок и, утерев нос, поведала причину своих внезапных слез:

– Если бы Кегам был жив, он сейчас был бы среди нас. Тридцать лет назад моя мать намеревалась устроить пир по случаю нашей свадьбы, но он умер. Мы жили в достатке, трех овец специально откармливали ягодами и листьями винограда, чтобы угостить бедняков. Великий Аллах не сжалился над Кегамом, хотя тот был так молод. Но он должен был пожалеть бедняков церковного квартала.

Гости сидели со скучающим видом и бормотали скороговоркой: «Что делать, смерть в руках Аллаха. Всем нам предстоит умереть», желая закончить разговор как можно скорее. Но тетушка не понимала общих настроений и продолжала рассказывать, как увидела возлюбленного в гробу.

Собравшиеся не слушали ее. Покойный Кегам стал неожиданным гостем на вечере и решил блеснуть: загубить застолье и испортить всем настроение.

К счастью, отец Хрисантос был большим знатоком во всем, что касается смерти. Он встал, и невидимый, но преисполненный неземной гармонии голос с вершины его грузного тела произнес небольшую проповедь: «На все воля Господа. Не следует беспокоить мертвых в

³⁰ Награда за военные заслуги и важные деяния в религиозной сфере.

могилах. Если мы упоминаем умерших не в молитве и не в дни поминовения, мы заставляем их кости гореть, словно в адском пламени».

Проповедь произвела впечатление не только на тетушку Варвару, но и на всех нас, так, что волосы встали дыбом. Я видел, как Марьянти, которая стояла за пределами светового пятна вокруг стола, крестится в темноте, а лицо остроносой Рины в крайнем волнении вытягивается все больше.

Каймакам понял, чего добивается священник, и вставил пару значительных реплик:

– А наша религия полностью запрещает траур. Ведь это есть «сомнение в воле Аллаха».

После таких слов тетушка Варвара совершенно растерялась и была повержена.

Каймакаму и отцу Хрисантосу быстро удалось вернуть веселье за стол. Каймакам пил раки, священник – вино, а старый больной староста не имел возможности присоединиться к ним и довольствовался мятной водой, бокал с которой он поднимал и опускал вместе со всеми.

Лефтер-эфенди примешивал к мятной воде немного обычной, чтобы создать легкую мутность цвета, присущую раки. Тетушка Варвара, в хозяйстве которой, как в аптеке, было все, предложила:

– У меня есть анис, Лефтер-эфенди, я могу растолочь ложкой и принести, хотите? Мятная вода будет больше похожа на раки...

Квартальный староста поначалу обрадовался, посчитав, что нашел новый способ утешиться для тех, кто отказался от раки. Но, отпив пару глотков мятной воды с анисом, он с отвращением поставил бокал на стол и испуганно сказал:

– Сегодня я уж выпью бокал настоящего раки за всех присутствующих. Не умру же я от одного бокала... Но прошу вас, мадам не должна знать.

Тетушка Варвара обрадовалась, что староста дал повод для шантажа:

– Как можно, – сказала она, – я держу рот на замке.

Погрозив девушкам пальцем, она добавила:

– Если вы разболтаете мадам Ангелики или кому-то еще, что Лефтер-эфенди пил раки, я вам рты разорву до самых ушей.

Ближе к середине трапезы каймакам, указывая на девушек, произнес:

– Ой-ой! Барышни из-за нас не только устали, но еще и остались голодными.

Я немедленно ухватился за такую возможность и начал осуществлять план, который разработал два дня назад:

– Да, меня это тоже огорчает. Хорошо, если они поедят где-нибудь в уголке.

Тетушка Варвара посчитала, что это противоречит этикету, и возразила:

– Как можно, гости ведь не закончили есть! Что, у них в глотках петухи запели? Слава богу, на кухне полно еды. Будет время – поедят.

Но оказалось, что все сидящие за столом поддерживают меня. В конце концов, девушки – тоже гости этого дома.

Когда старая дева увидела, что в кухонные дела вмешиваются, а хитроумные планы рассыпаются в пыль, ее охватил ужас, и она вскочила с места.

Но наша встреча хитрость уже начала осуществляться.

Тетушка Варвара с изумлением увидела, как из дверей появились друг за другом два маленьких столика, и девушки проследовали с ними в противоположный конец сада, подальше от фонаря. Через несколько минут столы были застелены белой скатертью, на них появились тарелки, а вокруг выстроились стулья, принесенные из дальнего угла двора.

Продолжая ломать комедию, я посмотрел на фонарь над головой:

– В той части сада темно... Барышни не увидят, что едят... Перенесите столы поближе, в эту сторону...

Стол вновь поднялся в воздух и медленно продвинулся в нашем направлении. Я все еще смотрел вверх, оценивая степень освещения:

– Ничего не вышло... Все равно темно... Еще немного... и еще немного, – говорил я.
Слава богу, тут каймакам заявил:

– Дети, хватит, что уж теперь... соедините их.

И под новые крики тетушки Варвары столы причаляли друг к другу.

Я сидел на том конце, где столы соединились. Девушки суетливо перебежали с места на место, словно играли в капмаджа³¹, и поэтому Стематуле удалось сесть рядом со мной.

Поначалу она посчитала, что ловко обошла всех подруг, получив такую привилегию – сидеть со мной плечом к плечу, и от радости сияла как самовар. Но вскоре, увидев, что Рина сидит напротив и тянется ко мне своим острым личиком, Стематула поняла ошибочность расчета, и очень расстроилась. Мы сидели бок о бок и видели друг друга, когда поворачивали головы, чтобы перекинуться словом-другим. Между тем Рина сидела прямо напротив меня, под фонарем, свет которого скрывал веснушки и неровности ее лица. Оно отливало волшебным блеском, а ее глаза смотрели прямо в мои.

Бедная Стематула чего только не делала, чтобы заставить меня обратить на нее внимание. Иногда она даже осмеливалась схватить меня за руку, заставляя обернуться в ее сторону. Но принужденное общение длилось с полминуты, и затем я отворачивался к старшим, сидящим во главе стола, и вновь поворачивался к тем, кто сидел напротив.

Тетушка Варвара догадалась, что все это я проделал, чтобы пригласить девушек к столу. Она не сердилась, только многозначительно улыбалась, словно говоря: «Оказывается, вот ты какой!», качала головой и грозила мне пальцем, когда наши взгляды пересекались.

Рина захотела мне что-то рассказать и, словно не желая, чтобы ее слышали старшие во главе стола, наклонилась вперед.

Стематула не выдержала:

– Осторожнее, Рина, у тебя такой длинный нос... Еще попадешь им прямо в рот Кемальбею...

Ее голос звучал как свист, нервно и угрожающе.

Рина не рассердилась. Она лишь высунула язык и прошлась им по губам и зубам, словно облизывая, а затем подняла глаза к фонарю и пожалала плечами:

– Что поделаешь... На то была Божья воля.

Я испугался, что прямо за столом вспыхнет новая ссора, поэтому насупил брови и осадил Стематулу:

– В чем дело?

Бедняжка сразу затаилась, как котенок, которому щелкнули по носу, и больше не произнесла ни слова.

* * *

Чтобы скрасить вечер, мы собирались взять у соседей старенький граммофон. Тетушка Варвара воспротивилась, сказав, что это будет неуважительно по отношению к главному священнику, однако мы уговорили ее пойти на компромисс. В соседнем доме жила бедная прачка по имени мадам Ангелики. Граммофон решили поставить в ее саду, за оградой, чтобы она иногда меняла пластинки.

Как назло, в тот вечер старик-муж прачки заболел и слег с высокой температурой. Тем не менее несчастная женщина не отходила от двери и заводила граммофон, стоило нам легонько постучать по ограде, – из большого уважения к остаткам еды, которые мы обещали принести ей за услугу.

³¹ Детская игра, в которой играющие перебегают из одного угла в другой, стараясь не быть схваченными.

Из-за отца Хрисантоса мы исключили было музыку из программы, но, как ни странно, он обрадовался ей больше всех.

Мадам Ангелики не умела читать, поэтому ставила пластинки как попало, в случайном порядке, так что следом за турецкой песней-мани звучала греческая газель, а ее сменяла хорошая мелодия касап.

Внезапно отец Хрисантос изъявил желание еще раз послушать одну турецкую песню. И, что было еще удивительнее, даже продекламировал первый куплет, нараспев, будто читая молитву, и назвал имя композитора: Хаджи Ариф-бей.

Я немедленно вскочил с места:

– Мадам Ангелики не сможет прочесть, что написано на пластинках. Если позволите, мы принесем граммофон сюда, – сказал я и в сопровождении девушек направился к забору.

Переносить граммофон поверх ограды было опасно. Но мы решили, что обходить по улице долго, поэтому я выдернул одну гнилую доску и переправил граммофон вместе с пластинками через дыру в заборе.

В начале вечера, когда обсуждались серьезные темы, главный священник показался мне Демосфеном, теперь же он часто перегибал палку, все больше напоминая Аристофана.

Лефтер-эфенди производил впечатление человека больного, простодушного и потерявшего интерес к жизни, но внутри него таился отдельный мир. Тетушка Варвара была тысячу раз права в своих опасениях. Не существовало незнакомых ему людей, неизвестных для него земель и не услышанных им сплетен о государственном строе. Что самое удивительное, его безжалостный сарказм выражался тщательно подобранными словами, и ничто в его речи не вызывало подозрений каймакама и священника. Критику высокопоставленных лиц он всегда начинал молитвой и хвалебными речами.

* * *

Часы шли, а сюрпризы тетушки Варвары не кончались.

Время от времени она исчезала на пару минут, чтобы затем появиться с очередной тарелкой или подносом в руках. Когда она возвращалась к столу, священник безнадежно разводил руками:

– Ах, мадемуазель... Ах, мадемуазель... Что же вы не сказали, я бы оставил место для этого блюда, – причитал он.

Однако, слегка принохавшись и разглядев содержимое тарелки, словно красивую картину, он опять вдохновлялся.

Тетушка Варвара под предлогом званого вечера накрепко заперла входные двери и окна, чтобы толпа, собравшаяся у порога, не могла проникнуть внутрь. Тем не менее несколько детей, привлеченных запахом еды, перепрыгнули через забор запущенного соседского сада и стали смотреть на нас из-за ограды. Я давно заметил это, но ничего не говорил, опасаясь, что тетушка Варвара поднимет шум.

Я часто видел на улице маленького мальчика по имени Сими. Он был сиротой, питался отбросами, подобно уличным собакам, и ночевал в лачужке около церкви, крохотной, как конура.

От девушек я узнал, что люди квартала до прошлого года помогали Сими и пускали его спать в свои дворы. Но после того, как мальчик начал подворовывать, его стали остерегаться. Теперь в него кидали камнями и палками, заведя у открытой двери.

В ту ночь среди детей на задворках сада был и Сими. Но, в отличие от своих товарищей, он не довольствовался дырой в доске, через которую можно было смотреть. Припав лицом к земле, он прополз под забором и просунул голову внутрь. Теперь пыльный пучок его растрепанных волос торчал из куста дикого цикория.

Каким-то образом тетушка Варвара все же заметила детей и, схватив кочергу, накинулась на них. Остальные быстро сбежали, но бедный Сими не смог уберечь свою голову и заверещал, как крыса, которой прищемило нос мышеловкой.

Я вскочил с места, намереваясь во что бы то ни стало впустить ребенка внутрь и накормить где-нибудь в уголке. Но было уже поздно: тетушка Варвара щедро угостила несчастного Сими кочергой, и он с воплями убежал.

* * *

В общем, вечер удался на славу. Вот только когда подали кофе, священник Хрисантос-эфенди начал клевать носом. То и дело глаза его закрывались, и он уносился в мир возвышенно-духовных видений, улыбаясь во сне долме и сладостям, которые приготовила тетушка Варвара.

Лефтер-эфенди тоже вел себя странно. Он не спал, а наоборот, тарасил глаза, сидя очень прямо и неподвижно. Только его грудь порой поднималась с таким звуком, словно он плакал. Что касается каймакама, он собрал девушек вокруг себя и, судя по всему, заигрывал с ними (пусть это будет на его совести!). Я еще не достиг того возраста, когда знаешь, как взрослый мужчина перешучивается со знакомыми барышнями, не выходя при этом за рамки приличия. Поэтому я счел шутки каймакама чисто отеческими и ничего плохого не подумал.

Да, прием прошел очень весело. Если бы в последний момент Лефтер-эфенди не упал в обморок и не перепугал нас, веселья, наверное, было бы еще больше.

Глава VIII

Через неделю был Праздник огня³². Мусульмане и евреи из разных уголков городка тоже пришли посмотреть, поэтому в церковном квартале людей собралось больше, чем обычно.

С наступлением темноты на площади и в переулках вспыхнули вязанки терновых ветвей. Не только дети и молодежь, но даже старики прыгали через костер, порой сталкиваясь и падая. Отовсюду доносились крики, смех и песни.

Большая церковная дверь, обычно закрытая, была широко распахнута. Колокол звонил не умолкая, а старейшины квартала в праздничных одеждах группами входили внутрь.

Стематула поймала меня у двери дома:

– Кемаль-бей, вы не пойдете? В церкви очень многолюдно, будет весело... – сказала она.

Никаких других дел у меня не было, поэтому я надел пиджак и пошел следом за Стематулой.

Рина не показывалась уже несколько дней. Судя по тем слухам, которые до меня доносились, мать снова выпорола ее и посадила под домашний арест. Вполне вероятно, этой ночью ее бы простили в честь праздника и отпустили в церковь. Я был бы счастлив возможности увидеться с Риной где-нибудь в уголке церковного двора, порадоваться ее освобождению и увидеть тень смущения в ее глазах.

У входа продавались свечи. Я купил две самых дорогих, одну протянул Стематуле и направился к церкви.

Но она удержала меня, схватив за руку:

– Еще не началось, – сказала она, – не хотите ли немного прогуляться по саду?

Небольшой садик, меньше монастырского двора по соседству, утопал в листве деревьев. Его окружали высокие стены, поэтому раньше я и не подозревал, что он существует.

Девушек десять увлеченно прыгали через огонь, многие из них были мне незнакомы. Я боялся сделать что-то не так, рассердить священников, поэтому остановился и уже было собрался повернуть назад. Но тут девушки насильно потащили меня за собой и вынудили пару раз перепрыгнуть через огонь.

Одна из них, как и я, казалась здесь чужой и выглядела слегка смущенной. Она стояла поодаль, опершись на ствол большого дерева, словно любимыми силами хотела остаться лишь зрителем на этом празднике. Ее лицо было скрыто в тени ветвей.

Но, как назло, остальные девушки все время докучали ей. Они подходили с таким видом, как будто хотели пригласить ее на танец, брали за руку и звали прыгать через огонь, соревнуясь друг с другом за это право.

Она каждый раз колебалась, но никому не отказывала, а затем, приостановившись перед костром, прыгала испуганно и неумело.

Удивительно, но девушки не подшучивали над ее неопытностью, не было слышно бесстыдного смеха, который сопровождал неудачу любой другой барышни. Они смеялись, как младший смеется в присутствии старшего, как слуга смеется перед лицом господина, в их головах и манерах присутствовала вежливость льстецов.

Скорее всего, она была дочерью какого-нибудь богатого горожанина, греческого купца.

Я хотел узнать что-нибудь о Рине и, когда появилась возможность, подозвал к себе Еленицу. На мой вопрос, кто эта девушка, она ответила, широко раскрыв глаза:

– Приехала из Греции, ее отец очень большой человек... понимаете?

– Понимаю... Значит, она здесь гостя...

³² Православные греки в Турции в канун Рождества Иоанна Предтечи жгут костры и устраивают гулянья. На турецком этот праздник называется «Ateş yortusu gecesi» – «Ночь огня».

– Да... Так...

Я привык, что в церковном квартале ко мне обращаются с такой обходительностью, словно я наследник престола. Присутствие дочери «очень большого человека» на празднике оттеснило меня на второй план и слегка задело мое самолюбие.

Странно, что девушки не знакомили нас, двух важных представителей высшего общества. Видя их бездействие, я решил проявить инициативу сам.

Сейчас я не могу вспомнить, с какими словами обратился к ней. О своем статусе я тогда не подумал. Она ответила по-гречески, нерешительно, что так несвойственно высокомерным барышням.

Почему-то я не предполагал, что девушка может не знать турецкого языка. Положение было незавидным: я не мог уйти, потупив взор, так и не поговорив с ней – это было бы оскорбительно для меня. К счастью, на помощь подоспела Стематула, которая выступила в роли переводчика.

Но беседа наша не заладилась, и после нескольких избитых фраз я был вынужден откланяться.

Второй раз я увидел эту аристократку в церкви. Она бросила всех своих подруг и стояла в уголке одна, наблюдая за богослужением с тем же отстраненным видом, с каким ранее смотрела на игры возле огня.

С трудом пробираясь сквозь толпу, я медленно обошел всю церковь. Рины не было. Будь она здесь, ее остроносое личико мелькнуло бы где-то. Более того, я не сомневался, что она стала бы искать меня и наверняка нашла бы. По всей вероятности, она сильно провинилась, раз мать не выпустила ее из заточения даже в честь праздника. А вдруг ее поймали, когда она гуляла с незнакомым мужчиной в Турунчлуке или где-то еще? Если верить Стематуле, от этой девушки можно было ожидать чего угодно.

Я наступил на ногу какой-то пожилой даме, а когда просил прощения, невольно глянул в толпу и увидел, что незнакомка смотрит на меня из дальнего угла церкви.

К чему это внимание, ведь раньше, в саду, она была так холодна со мной? Но стоило мне перехватить взгляд, она внезапно отвела глаза и как будто попыталась спрятаться за колонной. Все это было неспроста.

Служба подошла к кульминации. Главный священник в роскошной, расшитой золотом ризе громко говорил какие-то слова, вероятно, преисполненные значимости, а соседские дети в вышитых шелковых жилетках, надетых поверх рваных рубах, хором вторили ему.

В толпе коленопреклоненных прихожан я различил лица некоторых своих подруг.

Вот Марьянти стоит впереди других, и на ее великолепные волосы ложится отблеск пламени свечей, вот Еленица – она то и дело подносит платок к глазам, Стематула с нарядной свечой, которую я ей купил. Она держит ее чуть выше головы, словно бросая вызов всей церкви... Бедная Стематула, этой ночью дорогая свеча позволила ей единственный раз в жизни оказаться впереди всего квартала. Вторая свеча покачивалась у меня в руке, словно посох. Опасаясь сплетен, я не осмелился зажечь ее. Столкнись я с Риной, я, может быть, отдал бы свечу ей, но теперь уж было ясно, что Рина не придет. Несомненно, в этом деле был замешан мужчина. Может, какой-то похотливый уличный торговец из тех, что бренчат мелочью в кармане шаровар, или задиристый молодой грек, оборванец из соседнего дома...

От запаха ладана и пота у меня запершило в горле, глаза начали слезиться. Пробираясь к двери, я вновь глянул туда, где стояла незнакомка, и опять заметил, что она смотрит на меня, хотя вокруг было столько интересного.

Мои планы изменились. Дойдя до двери, я повернул назад и медленно, шаг за шагом, стал приближаться к тому месту, где стояла она.

Девушка смотрела в другую сторону, и я знал, что она ни за что не обернется. Я был уверен, что ей известно о моем медленном приближении и о тех усилиях, которые я прилагал, чтобы пробраться сквозь толпу.

Когда между нами осталось не более десяти шагов, я остановился и взглянул на нее не скрываясь. Смущаться было нечего – прихотан интересовало только красочное огненное действие, сопровождаемое песнопениями. Она знала, что я не отрываю от нее глаз, но, разумеется, не смотрела на меня.

Ее лицо в профиль напоминало лик Богородицы с Младенцем на руках на противоположной стене: это было лицо маленькой девочки и молодой женщины одновременно. Хотя было очень жарко, голова ее была туго повязана черным кружевным платком. На ней был серый плащ с поднятым воротником, из-под которого виднелся подол темно-синей плиссированной юбки и замшевые черные туфли на высоких каблуках.

Выходя из церкви, я вновь столкнулся с ней. На этот раз она открыто, без стеснения кивнула мне и исчезла в толпе вместе с подругами, которые вновь окружили ее.

* * *

На следующее утро я подозвал к себе Стематулу, чтобы задать вопрос:

– Ты все знаешь, Стематула... Я хочу спросить у тебя кое-что. Но если ты не ответишь честно, ссоры не избежать.

Девушка подняла на меня изумленные глаза и усмехнулась:

– Зачем же мне вам лгать, Кемаль-бей?

– Даешь слово?

– Даю...

– Ты знаешь, что я хочу спросить?

– Знаю... Вы спросите, где Рина.

Мной овладела растерянность. Стематула так быстро разгадала мой секрет и имела наглость так открыто говорить об этом, что я не мог скрыть досады. Строгим голосом я произнес:

– Что ты хочешь сказать, Стематула?.. Какое мне дело до Рины? С чего я должен спрашивать о ней у тебя?

Стематула прекрасно поняла, что я говорю так от неожиданности, поэтому ответила, глядя мне прямо в глаза:

– Кемаль-бей, вы что думаете, я не знаю?

– Что ты знаешь?

– Хотите, чтобы я сказала?

Положение становилось опасным. Нужно было спасти девушку во что бы то ни стало.

Я прикрикнул на нее, как на служанку:

– Молчи! И слышать не хочу ничего такого! Я собирался спросить совсем о другом. А ты плетешь неизвестно что про Рину, это совершенно неуместно. И зачем я с вами разговариваю!

Быстро, не оборачиваясь, я пошел прочь. Стематула замерла на мгновение, а затем последовала за мной:

– Извините, Кемаль-бей... Вы сердитесь на меня? Что я такого сделала?..

Было понятно, что опасность миновала, и я остановился:

– Как тебе не стыдно, Стематула. Рина, ты, Пица, Марьянти, Еленица – все вы подруги... Мы все время смеемся, шутим... Разве можно говорить такое?

– Разве я что-то сказала?

Стематула перекрестилась, придав своим широко раскрытым глазам наивное выражение.

– Нет, но я знаю, что ты за человек...

– Простите, Кемаль-бей...

– Хорошо, Стематула... Так-то лучше... Когда я вижу Рину, я беседую с ней так же, как с тобой, Пицей, Марьянти... Но с какой стати я должен думать о ней, когда не вижу ее?

Стематула тихо перевела дух и поспешила меня заверить:

– Вы правильно говорите, Кемаль-бей...

– Разумеется.

– А у меня спросить что хотели?

– Что же я хотел у тебя спросить? Да, я ведь собирался что-то у тебя спросить. Из-за тебя забыл... Что же это было?.. Вспомнил: кто эта барышня, которую мы встретили вчера вечером?

– ?..

– Ну та, что была в церковном саду. Такая красивая барышня... Чудесные глаза, зубы, волосы...

Глаза и зубы этой девушки мне довелось увидеть лишь мельком, и я сомневаюсь, что узнал бы ее, даже если бы она стояла передо мной. Но нужно было показать Стематуле, что я не собираюсь скрывать от нее свой интерес к какой-то барышне. Это помогло бы прекратить разговоры о Рине, поэтому я восхвалял девушку как мог. Я вовсе не был влюблен в незнакомку, которая прошла передо мной в ту Ночь огня. Но моим подругам не обязательно было об этом знать.

Не думаю, что Стематула, тертый калач, поверила в мою сказку. Но она сочла правильным не показывать этого.

Вот только она ничего толком не могла рассказать о незнакомке, мямлила и лишь повторяла слова Еленицы: «Ее отец – богач из Греции, очень большой человек».

– Когда она приехала?

– Да уж неделю назад... дней пятнадцать как... Я не знаю.

– Зачем она приехала?

– У нее здесь дядя... очень большой человек...

– В Миласе?

– Э...

– Чем он занимается?

– Не знаю... крупный торговец...

– Но ты знаешь, что он торговец...

– Я не знаю... так говорят...

– Хорошо, Стематула... Спасибо...

Прощавшись со Стематулой, я собирался уйти, но она не отставала от меня, хотя мы уже вышли за границы квартала.

– Кемаль-бей, я хочу вам кое-что сказать...

– Что такое?

– Я вам скажу... только вы никому не рассказывайте.

– Хорошо, Стематула. Никому не расскажу, – пообещал я.

– Клянетесь? Если скажете, будет очень, очень плохо... Потому что мне велели никому не рассказывать...

– Понятно, Стематула, я никому не скажу.

– Вечером вам все девушки говорили неправду. Эта девушка вовсе не гречанка, она османка.

– То есть живет в Османской империи, как и вы?

– Не живет... Она мусульманка.

– Ты говоришь правду?

– А зачем мне врать?

– Ну хорошо, а почему она не знает турецкого?

– Знает, но притворилась, что нет, чтобы вы не поняли...

– А с вами она все время говорила по-гречески...

– Она очень хорошо знает греческий язык. Она родом с Крита. Она сестра доктора Селим-бея... Пришла к нам, чтобы посмотреть на Ночь огня.

– Все это очень странно, Стематула... Получается, она пришла тайком, потому что мусульманка?

– Ну... Османы не ходят в церковь... Может, и брат не знает... Никому не говорите, что я вам рассказала...

– Не беспокойся, Стематула...

– Большое спасибо, Кемаль-бей...

Как выяснилось, секрет Стематулы этим не ограничивался. Оказалось, что сестра Селим-бея захотела увидеть меня, не объясняя, кто она такая, и с этой целью попросила Стематулу позвать меня в церковь. Таким образом, я оказался в положении девушки на смотринах.

– Насколько мне известно, у Селим-бея только одна сестра, и она замужем за измирским купцом. Откуда взялась эта девушка?

– Это она и есть, та, что замужем за измирским купцом... Мы все говорим «мадемуазель», но на самом деле она мадам.

– Такая молодая! Она ведь совсем как вы.

– Когда увидите ее на базаре, в чаршафе и вуали, так не скажете... Она уже четыре года замужем...

Открыв мне свой секрет, Стематула надеялась стереть остатки обиды и была уверена в успехе. Прощаясь, я тоже доверил ей секрет:

– Я думал, что сестра Селим-бея – гречанка, и говорил неуместные вещи о ее бровях, глазах... Не смей об этом никому рассказывать.

Стематула вновь перекрестилась и поклялась. На этом мы расстались.

Глава IX

После Ночи огня одно за другим произошли два события, которые слегка испортили мне настроение. Во-первых, два молодых человека из Миласа сбежали в Европу.

По мнению священника и старосты, бегство было проявлением непростительной неблагодарности по отношению к высочайшему падишаху. Но почему-то, когда они рассказывали о происшествии, в их глазах таился смех. После приема наша дружба с Лефтером-эфенди окрепла, и однажды вечером он зашел ко мне в гости, чтобы сообщить неприятную новость.

В тот день в квартале появились два жандарма, которые допросили старосту, выясняя, что за люди ходят ко мне.

Надо ли говорить, что ночью я спал не слишком хорошо, а утром спозаранку помчался к каймакаму и рассказал о случившемся.

Он посмеялся над моими страхами, потрепал меня по щеке и поспешил успокоить:

– Не о чем тут волноваться... Это я их послал. Прodelки этих неразумных юнцов привлекают к нам внимание центра, они будут вынуждены начать дознание. Могут спросить и о тебе. Я велел узнать, чем ты занимаешься, это создаст впечатление, что мы не дремлем. Ты не знаешь, как ведутся подобные дела. Всегда полезно иметь какой-нибудь документ, так, на всякий случай.

Каймакам не мог побороть любопытство и по-прежнему хотел знать, за что меня, в столь юном возрасте, отправили в ссылку. Порой, пытаясь развязать мне язык, он откровенничал со мной, но результат был только один: я узнавал о стране и порядках то, чего не знал раньше.

В то время ссыльные были подобны просветителям: они пробуждали от сна те края, куда их отправляли. Но в моем случае все происходило в точности до наоборот.

Каймакам интересовался литературой, часто читал стихи Намыка Кемалья, Зии Паши и других великих поэтов эпохи Танзимата³³ и под предлогом толкования смысла открыто говорил мне, что страна катится в пропасть.

При этом прежде каймакам всегда был осторожен и выражал свои мысли иносказательно. Когда же он заходил слишком далеко, бедняга спохватывался, пускался в ненужные объяснения, пытаясь придать своим словам другой смысл, начинал молиться за безгрешного, добродушного падишаха, который и не ведает, что происходит в его стране.

– Моя должность обязывает меня делать вид, будто я гневаюсь на этих мальчиков, – говорил он. – Если, упаси бог, сегодня поймаю озорников, то закую в кандалы – только цепи зазвонят. Но на сердце будет тяжело. По правде говоря, оба – блестящие молодые люди, что твой бриллиант. Правильно сделали, что сбежали. Говорят, беглецы создали в Европе тайное общество, выпускают газету. Пытаются склонить в нашу сторону другие государства. Преуспеют или нет – не знаю, это уже другой разговор... Но по крайней мере, они делают все что могут. Во всяком случае, хотя бы не с девушками соседскими заигрывают, а занимаются чем-то более полезным...

³³ В Османской империи период с 1839 до начала 1870-х гг., время реформ и расцвета литературы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.